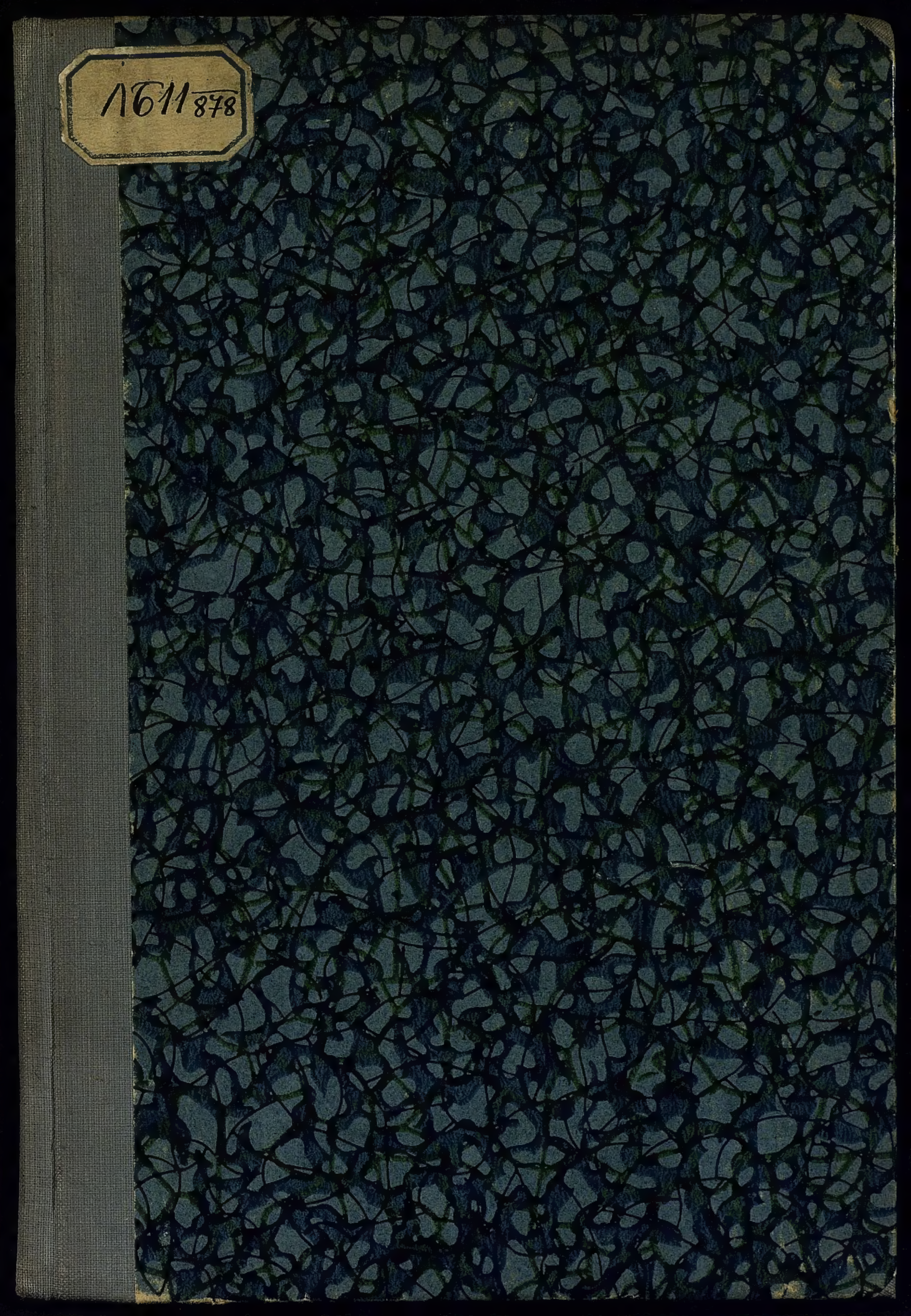
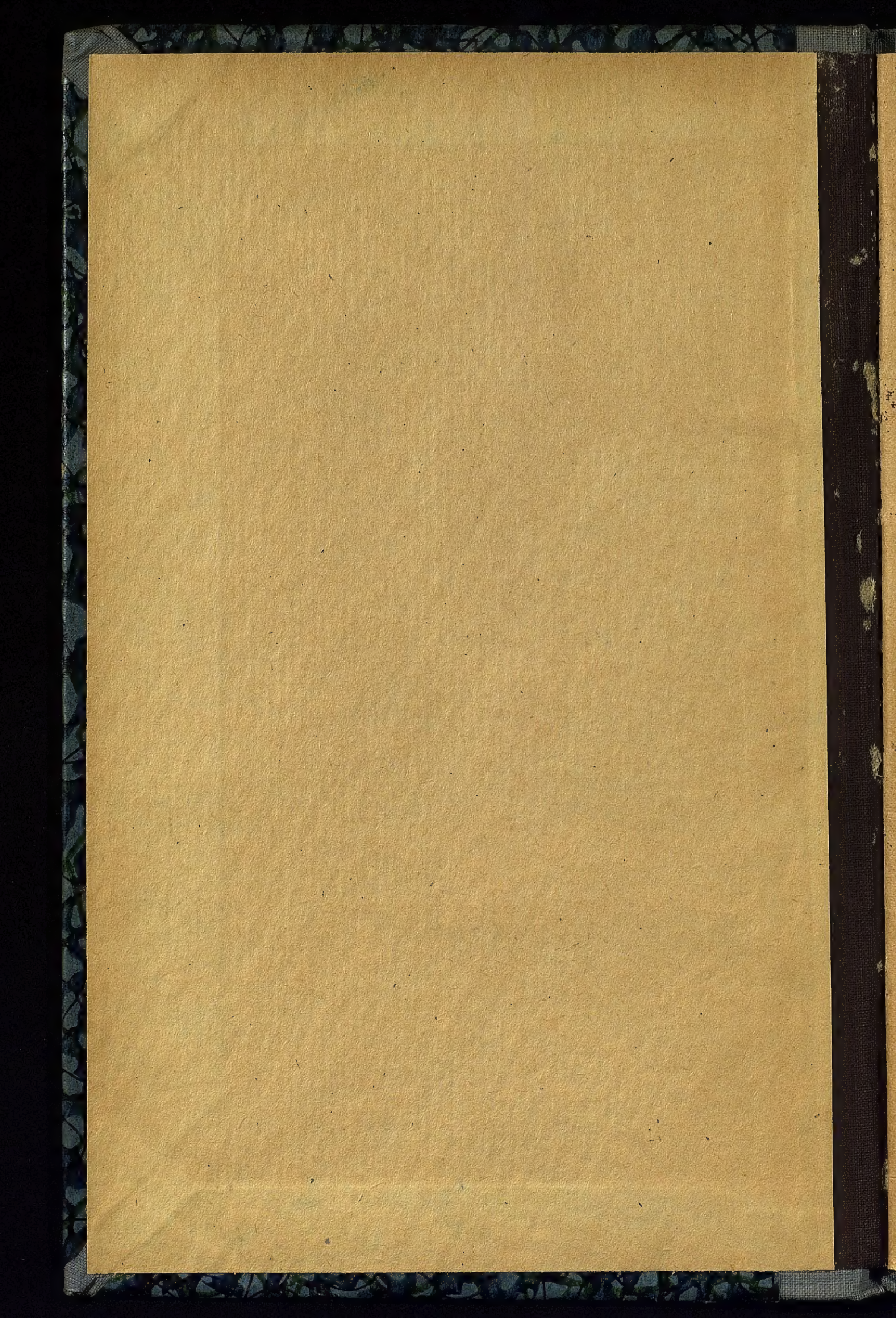
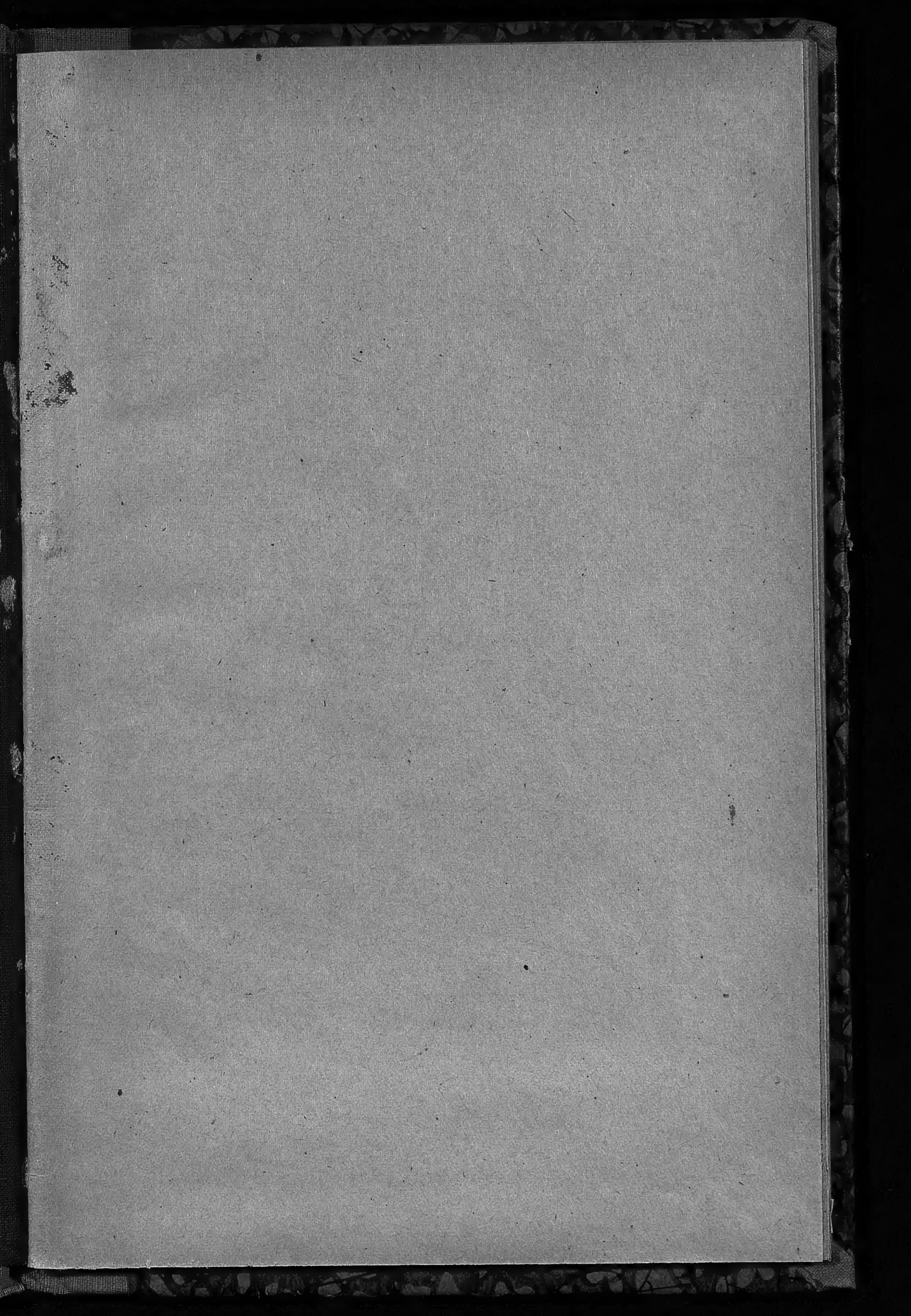
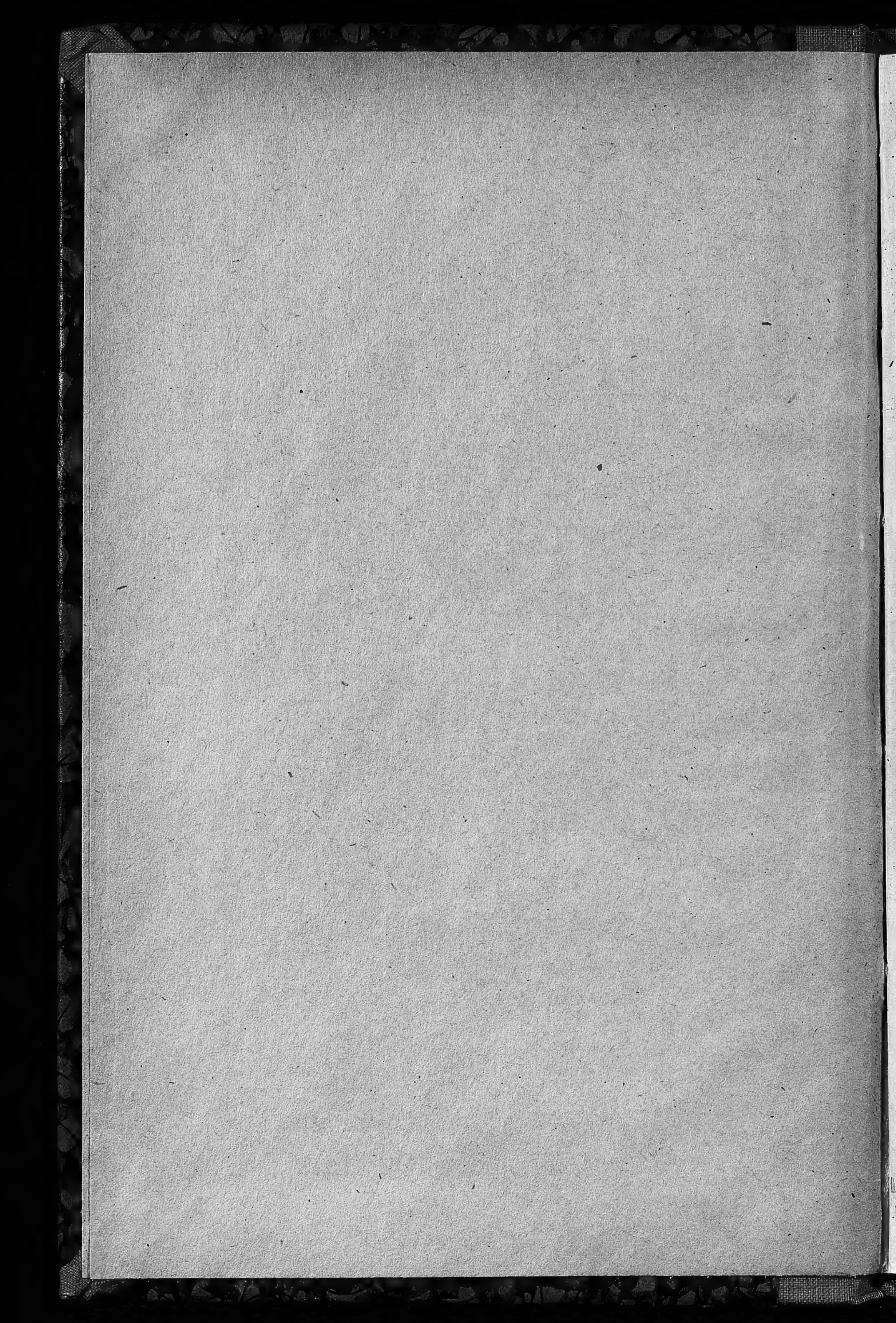

ВНОВЬ НАЙДЕННОЕ СВИДѢТЕЛЬСТВО

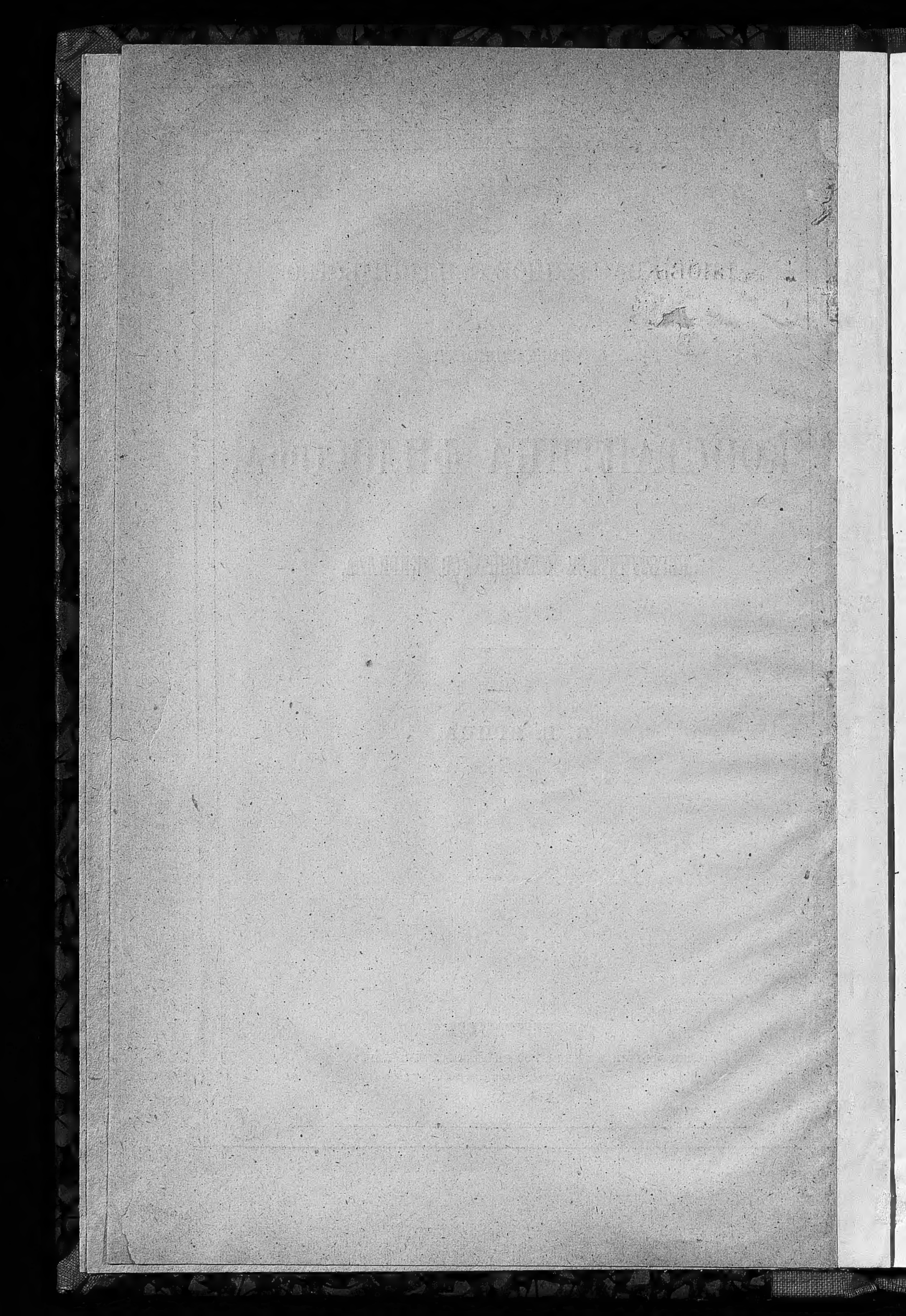
О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА,

ПЕРВОУЧИТЕЛЯ СЛАВЯНЪ СВ. КИРИЛЛА.

И. В. ЯГИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1893.

ВНОВЬ НАЙДЕННОЕ СВИДѢТЕЛЬСТВО

о дѣятельности

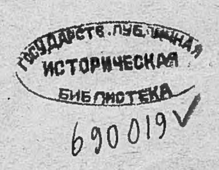
КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА,

ПЕРВОУЧИТЕЛЯ СЛАВЯНЪ СВ. КИРИЛЛА.

И. В. ЯГИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1893.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1893 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ.*

ВНОВЬ НАЙДЕННОЕ СВИДѢТЕЛЬСТВО О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА, ПЕРВОУЧИТЕЛЯ СЛАВЯНЪ, СВ. КИРИЛЛА.

Всякое новое извѣстіе о свв. Кириллѣ и Меѳодіи должно прежде всего разсчитывать на сочувственное вниманіе въ Россіи, гдѣ не только наслѣдіе первоучителей славянъ, по волѣ судьбы, пустило болѣе глубокіе корни, чѣмъ гдѣ-либо, но и научная оцѣнка совокупной дѣятельности обоихъ братьевъ вызвала уже до сихъ поръ многочисленныя изслѣдованія, отличающіяся по большей части высокими научными достоинствами. Поэтому не удивительно, что и у меня, когда я на дняхъ получилъ одно важное сообщеніе изъ Мюнхена, касающееся дѣятельности Константина Философа, первая мысль тотчасъ же была подѣлиться этою новостью съ достопочтенными представителями русско-славянской науки въ Императорской Академіи Наукъ, включившей уже давно и меня въ свою среду. Итакъ, да будетъ мнѣ позволено воспользоваться правомъ и долгомъ, которые я въ послѣднее время, противъ собственнаго желанія, не въ состояніи столь часто приводить въ исполненіе, какъ хотѣлось бы, и представить въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности слѣдующее извѣстіе, не лишенное, какъ мнѣ сдается, большаго научнаго значенія.

Между бумагами покойнаго Дэллингера въ Мюнхенѣ найдена недавно профессоромъ Фридрихомъ одна записка большой исторической важности. Она заключаетъ въ себѣ письмо извѣстнаго Анастасія, библіотекаря ватиканскаго во второй половинѣ IX столѣтія, знаменитаго своею тогдашнею ученостью со-

временника и большого почитателя нашего Константина философа. Это новонайденное письмо тѣмъ важнѣе и драгоцѣннѣе для насъ, что оно прямо касается личности Константина философа и разсказываетъ самымъ положительнымъ образомъ нѣсколько новыхъ данныхъ изъ жизни и дѣятельности его, которыя до сихъ поръ или вовсе не были извѣстны, или о существованіи которыхъ мы могли только догадываться по различнымъ соображеніямъ.

Не въ подлинникѣ сохранилось письмо Анастасія, а въ довольно позднемъ спискѣ. Оно попало въ рукопись латинскую XIV вѣка, находящуюся въ Лиссабонѣ, въ библіотекѣ монастыря Алькобаза. Въ рукописи имѣются поученія Климента въ передѣлкѣ Руфина, и какъ введеніе къ нимъ — письмо Анастасія. Это письмо выписано изъ рукописи еще раньше 1848 года нѣмецкимъ ученымъ д-ромъ Гейне, но повидимому онъ не воспользовался имъ. Послѣ смерти его, послѣдовавшей въ упомянутомъ году, списокъ достался вмѣстѣ съ другими бумагами въ наслѣдіе брату его, бывшему профессору въ Галле, теперь также покойному. Неизвѣстно (по крайней мѣрѣ я не умѣю сказать), когда этотъ второй Гейне вручилъ письмо покойному Дэллингеру, но и знаменитый профессоръ церковной исторіи въ Мюнхенѣ не успѣлъ, какъ изъ всего видно, обратить на него свое ученое вниманіе. Такимъ образомъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ Лиссабонѣ найдено это письмо въ рукописи, больше сорока лѣтъ, и наука до послѣдняго времени ничего не знала о существованіи этого небольшого, но очень важнаго памятника. Настоящимъ открытіемъ его мы обязаны профессору Фридриху, въ Мюнхенѣ. Разбирая бумаги покойнаго своего друга, онъ наткнулся на этотъ списокъ, сумѣлъ тотчасъ же оцѣнить значеніе его и не замедлилъ напечатать въ Извѣстіяхъ (Sitzungsberichte) Мюнхенской Академіи сообщеніе о немъ (представленное въ засѣданіи 2-го іюля 1892 года) подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

«Ein Brief des Anastasius Bibliothecarius an den Bischof Gaudericus von Velletri, über die Abfassung der «Vita cum

translatione Clementis Papae». Eine Quelle zur Cyrillus- und Methodius-Frage» (Sitzungsberichte, München 1892, Heft III).

Профессоръ Фридрихъ не довольствовался простымъ изданіемъ письма или же объясненіями, стоящими въ ближайшей связи съ его содержаніемъ. Онъ прибавилъ еще отъ себя нѣсколько критическихъ соображеній о дѣятельности Константина философа вообще, вытекающихъ, на его взглядъ, изъ новонайденнаго памятника. Мы конечно не можемъ вполнѣ обойти молчаніемъ и эти соображенія, но для насъ они на второмъ планѣ, главное же во всякомъ случаѣ — письмо Анастасія. Къ нему-то мы и переходимъ.

Во время папы Іоанна VIII епископомъ города Веллетри въ Италіи былъ нѣкто Гаудерихъ — славянскіе источники пишутъ имя его Гондрихъ. Главный соборъ его епархіи (въ городѣ Веллетри) былъ посвященъ имени св. Климента. Епископъ заботился усердно о томъ, какъ бы возможно торжественнѣе обставить чествованіе св. Климента. Между прочими средствами, къ которымъ онъ прибѣгалъ, одно заключалось въ томъ, что онъ пожелалъ имѣть обстоятельное жизнеописаніе св. Климента. Скажу мимоходомъ, что, по моему, этому рвенію епископа Гаудериха главный толчекъ данъ нашимъ Константиномъ философомъ, принесшимъ, какъ извѣстно, мощи св. Климента въ Римъ, что́ не могло не оживить памяти и чествованія святого. Епископъ Гаудерихъ поручилъ главную часть сочиненія діакону Іоанну, ознаменовавшему себя уже тѣмъ, что онъ и отъ папы Іоанна VIII получилъ порученіе составить жизнеописаніе Григорія Великаго. Но усердный Гаудерихъ не довольствовался этимъ. Зная, что библіотекарь Анастасій славится ученостью и особою начитанностью въ греческой литературѣ, онъ обратилъ свои взоры и на него и выражалъ желаніе, даже неоднократно, чтобъ Анастасій поискалъ, не найдется ли что-нибудь относящееся къ св. Клименту также у грековъ, чего въ латинскомъ переводѣ еще нѣтъ. Анастасій по видимому не могъ сразу удовлетворить просьбу Гаудериха, но когда въ 869—870 году по

случаю восьмого вселенскаго собора были посланы въ Константинополь папскіе легаты и въ то же время находился тамъ же, хотя по другимъ причинамъ, библіотекарь Анастасій, онъ вспомнилъ о просьбѣ епископа Гаудериха и сообща съ папскими легатами сталъ въ Константинополѣ распрашивать о подробностяхъ событія, интересовавшаго его столько же, сколько и Гаудериха, т. е. о подробностяхъ открытія мощей св. Климента въ Херсонѣ. И вотъ здѣсь-то Анастасій узналъ отъ Митрофана, митрополита смирнскаго, проживавшаго какъ разъ во время обрѣтенія мощей недалеко отъ Херсона — онъ былъ сосланъ туда Фотіемъ, — что главнымъ участникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ именно самъ Константинъ философъ. Но этого мало. Анастасій не только слышалъ словесный разсказъ митрополита Митрофана, но и пріобрѣлъ, должно быть черезъ него же, три сочиненія, написанныя на греческомъ языкѣ нашимъ философомъ по поводу сдѣланнаго имъ открытія: въ одномъ онъ разсказывалъ о ходѣ дѣла въ видѣ исторической записки или повѣсти; въ другомъ заключалось торжественное слово или панегирикъ, написанный имъ же и по всей вѣроятности такъ же произнесенный въ Херсонѣ, въ моментъ торжественнаго перенесенія мощей туда; въ третьемъ былъ какой-то гимнъ или стихи, написанные философомъ въ честь святого по случаю того же событія.

Возвратясь въ Римъ, Анастасій привезъ съ собою упомянутыя три сочиненія и перевелъ первое и второе на латинскій языкъ, чтобъ угодить епископу Гаудериху. Стиховъ онъ не рѣшился переводить, опасаясь, что нарушитъ размѣръ подлинника и испортитъ гармонію напѣва. Онъ сдѣлалъ переводъ въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ, т. е., какъ доказываетъ профессоръ Фридрихъ по соображеніямъ вполнѣ убѣдительнымъ, переводъ былъ сдѣланъ не раньше 875 и не позже 879 года (въ этомъ году Анастасій скончался). Анастасій послалъ свой латинскій переводъ двухъ греческихъ сочиненій Константина философа епископу Гаудериху съ тою цѣлью, чтобъ онъ этими источниками воспользовался для затѣяннаго жизнеописанія св. Климента,

сдѣлалъ же это при письмѣ нынѣ найденномъ, о которомъ здѣсь рѣчь идетъ. Вотъ оно въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ:

«Sancto meritisque beato Gauderico egregio episcopo Anastasius peccator et exiguus apostolicae sedis bibliothecarius devotissimus perennem orat salutem.

1. «Quia sanctitas tua, reverende pater, sanctae Veliternensi praeest ecclesiae, ubi scilicet beati Clementis antiquitus insignis honor cum celebris memoriae titulo commendatur, non immerito mota est ad ipsius reverentiam sublimius excolendam, et vitae meritum ad multorum imitationem excellentius praedicandum. Neque enim aliunde sanctus coram deo et hominibus comprobaris, nisi quia cum spiritu ergo sancto, quae sancta sunt, pio studio consectaris. Hinc eiusdem sancti martiris multa repertas cura reliquias apud eandem ecclesiam, cui praees, in templo nominis eius locasti. Hinc rursus oratoriam domum Romae mirae pulcritudinis edificasti. Hinc totum acquisitae possessionis tuae patrimonium ipsi beato Clementi ac per eum domino deo salubriter dedicasti. Hinc etiam viro peritissimo Johanni, digno Christi levitae, scribenda eius vitae actus et passionis historiam ex diversorum colligere latinorum voluminibus instititisti. Ad extremum hinc quoque mihi exiguo ut si qua de ipso apud Grecos invenissem latinae traderem linguae, saepe iniungere voluisti. Cuius nimirum cum rerum gestarum monumentum iam latinus habebat stilus, illa tantum occurrunt adhuc romano transferenda sermoni, quae Constantinus Thessalonicensis philosophus, vir apostolicae vitae, super eiusdem reliquiarum beati Clementis inventione paulo ante descripsit. Verum quia reliquiarum huius inventionis fecimus mentionem, licet idem sapientissimus vir tacito nomine suo in storiola sua qualiter acta sit strictim commemoret, ego tamen quae hinc ipse his verbis enarrare solitus erat compendio pandam.

2. «Cum, inquit, ob nostrorum copiam peccatorum miraculum marini recessus, quod inter alia huius beati Clementis miracula lectitatur, apud Cersonam more solito a multis retro temporibus,

fieri minime cerneretur, mare quippe fluctus suos ad nonnullos retractos spatia in proprios sinus collegerat, cepit populus a veneratione templi illius paulatim tepescere et a profectione, qua illuc a fidelibus, et potissimum die natalis eius, properabatur, quodam modo pedem subtrahere, praecipue cum in confinibus ille sit romani locus imperii et a diversis barbarorum quam maxime nationibus frequentetur. Subducto itaque miraculo, quo carnales, ut mos se habet, populi delectabantur, et crescente circumquaque multitudine paganorum, qua sunt infirmiores quique soliti deterreri, immo quia ut evangelice perhibeatur, abundavit iniquitas, refriguit caritas multorum, desertus est et factus inhabitabilis locus, destructum templum, et tota illa pars Cersonicae regionis prope modum desolata est. Ita ut ubi Cersonis episcopus intra eandem urbem cum non plurima plebe remansisset, cerneretur, qui scilicet non tam urbis cives quam esse carceris habitatores, cum non auderent extra eam progredi, viderentur. Hac itaque causa factum est, ut ipsa quoque archa, in qua beati Clementis reliquiae conditae partim servabantur, penitus obrueretur, ita ut nec esset iam memoria prae longitudine temporum, ubinam ipse foret archa, declarans.

3. «Haec quidem ille tantus ac talis revera philosophus. Ceterum cum apostolicae sedis missi nuper Constantinopolim pro celebranda sinodo morarentur, ubi et me quoque alia pro causa legatione functum per idem tempus contigit inveniri, visum est nobis in commune huic rei ad liquidum indagandae omnem tribuere penitus operam, et a Metrophane, viro sanctitate ac sapientia claro, Smirneorum metropoleos praesule, omnem super hac veritatis certitudinem discere, utpote qui sciretur a nobis penes Cersonam a Photio cum aliis exilio relegatus. Qui videlicet quanto loco propinquior, tanto re gesta doctior habitus, ea nobis hinc curiose sciscitantibus enarravit, quae praedictus philosophus fugiens arrogantiae notam referre non passus est. Perhibebat enim quod idem Constantinus philosophus a Michaele imperatore in Gazaram pro divino praedicando verbo directus, cum Cersonam

quae Chazarorum terrae vicina est pergens ac rediens frequentaret, cepit diligenter investigare, ubinam templum, ubi archa, ubi essent illa beati Clementis insignia, quae monumenta super eo descripta liquido declarassent. Sed quod omnes accolae loci illius utpote non indigenae, sed ex diversis barbaricis gentibus advenae, immo valde saevi latrunculi, nescire se quae diceret testabantur. Super quo stupefactus philosophus se in orationem multo tempore dedit deum revelare, sanctum vero revelari corpus deposcens. Sed quod et episcopum cum clero plebeque gerendum salutiferis hortationibus excitavit, ostensoque ac recitato quid de passione quidve de miraculis, quid etiam de scriptis beati Clementis et praecipue quid de templi siti penes illos structura, et ipsius in ipsa conditione librorum numerositas commendabat; omnes ad illa littora fodienda et tam preciosas reliquias sancti martiris et apostolici inquirendas ordine, quem ipse philosophus in historica narratione descripsit, penitus animavit». Huc usque praedictus Metrophanes.

4. «Ceterum, quae idem mirabilis vere philosophus in huius honorabilium inventione reliquiarum solemniter ad hymnologicon dei omnipotentis edidit, Grecorum resonant scolae. Sed et duo eius opuscula praedicata, scilicet brevem historiam et sermonem declamatorium unum, a nobis agresti sermone et longe ab illius facundiae claritate distante translata, opinionem commento monumentorum eius carptim addendō paternitatis tuae officio, quaeque iudicii tui cylindro polienda committo. Sane rotulam hymni quae et ad laudem dei et beati Clementis idem philosophus edidit, idcirco non transtuli, quia cum latine translatum (*in codice:* transiatur?) hic pauciores illic plurales syllabas generatum esset nec aptam nec sonoram cantus harmoniam redderet. Verum et si hoc mihi a te, o vir desideriorum, imponitur, aggrediar, deo praeduce, quod hortaris. Quia etsi aliis non profuero scribendo, mihi tamen prodero saltem obediendo.

5. «Ceterum nolo sanctimoniam tuam latere, scripsisse beatum Clementem quaedam quae ad nostram notitiam nondum venere,

*

quae admodum sanctus Dionysius Areopagites meminit Athenarum episcopus, et beatus Johannes Scythopolitanus, cuius doctrina inter gesta sinodalia reperitur, quorum sensus super hac circumstantia iam dudum translatos invenies in codice iam memorati s. Dionysii Athenarum antistitis. Quos oportet ut et ipsi quoque operi, quod de vita beati Clementis instantia tua praedicto Christi levita sudante texitur, inseratur. Qualiter autem reliquiae ipsius semper memorandi Clementis crebro dicto asportante philosopho in Romam delatae atque reconditae sunt, non necesse habeo scribere, cum et ipse inspector factus non nescias et scriptor vitae illius silentio, sicut credimus, non praetereat».

Переводъ:

Святому и блаженному заслугами Гаудериху, славному епископу, Анастасій грѣшникъ и ничтожный, апостольскаго престола библіотекарь смиреннѣйшій, желаетъ и вымаливаетъ вѣчное спасеніе.

1. Такъ какъ святительство твое, достопочитаемый отче, начальствуетъ святой церкви Велитерской, гдѣ, какъ извѣстно, отличительная честь изстари воздается блаженному Клименту со славной памяти именованіемъ его, то святительство твое не даромъ склонилось еще торжественнѣе чествовать почтеніе его и еще возвышеннѣе прославлять подвиги его жизни въ подражаніе многимъ. Ибо ты не чѣмъ-либо другимъ доказываешь святость свою передъ Богомъ и людьми, а тѣмъ, что въ духѣ святости благочестивымъ усердіемъ заботишься о томъ, что̀ свято. Поэтому ты собралъ съ большимъ стараніемъ обрѣтенныя мощи этого святого мученика и положилъ ихъ въ той же церкви, въ которой начальствуешь, въ соборѣ его имени. Поэтому ты выстроилъ ему также въ Римѣ молельню удивительной красоты. Поэтому ты пожертвовалъ все свое имущество пріобрѣтенной собственности блаженному Клименту и черезъ него на спасеніе свое Господу Богу. Поэтому ты настоялъ также у искуснѣйшаго мужа Іоанна, достойнаго служителя Христа, на томъ, чтобъ онъ описалъ дѣянія жизни святого и повѣсть мученія его, собравъ данныя изъ раз-

личныхъ латинскихъ источниковъ. Поэтому ты наконецъ высказалъ неоднократно желаніе возложить и на меня ничтожнаго задачу перевести на латинскій языкъ то, что́ я могъ бы о томъ же святомъ отыскать у грековъ. Но такъ какъ греческій памятникъ дѣяній святого уже существуетъ въ латинскомъ переводѣ, то требуетъ перевода на латинскій языкъ еще только то, что́ Константинъ, философъ солунскій, мужъ жизни апостольской, недавно написалъ объ обрѣтеніи мощей того же блаженнаго Климента. Впрочемъ, когда я уже заговорилъ объ этомъ обрѣтеніи мощей, то хочу вкратцѣ передать тебѣ разсказъ о томъ, какъ это случилось, тѣми же словами, какими онъ самъ имѣлъ обыкновеніе разсказывать объ этомъ, такъ какъ этотъ премудрый мужъ сообщаетъ въ своей коротенькой повѣсти сжато объ этомъ, умолчавъ свое имя.

2. «Чудо морского отлива у Херсона, говоритъ онъ, о которомъ много читается между прочими чудесами сего блаженнаго Климента, ради множества грѣховъ нашихъ давно уже перестало по прежнему обычаю совершаться. Ибо море собрало свои волны, стянутыя когда-то на нѣкоторыя пространства, въ принадлежащія имъ бухты. Поэтому и народъ началъ мало по малу остывать въ чествованіи храма того и отъ путешествованія туда, которое вѣрными въ особенности ко дню рожденія усердно совершалось, стопы свои, такъ сказать, отворачивать, главнымъ образомъ потому, что мѣсто лежитъ на окраинѣ царства и различныя варварскія толпы весьма часто наѣзжаютъ туда. Итакъ, когда прекратилось чудо, которымъ наслаждались народы, преданные по обыкновенію плоти, толпы же язычниковъ со всѣхъ сторонъ стали увеличиваться, то вслѣдствіе свойственной слабымъ трусливости умножилось, какъ говоритъ евангеліе, беззаконіе, охладѣла любовь многихъ, мѣсто опустѣло и сдѣлалось необитаемымъ, храмъ разрушился, и вся та часть Херсонской страны пришла въ упадокъ, такъ что видно было, что епископъ Херсона съ очень немногочисленнымъ народонаселеніемъ оставался внутри того города, да и тѣ, казалось, были скорѣе жители тюрьмы, чѣмъ го-

рода, изъ котораго не смѣли выходить. Такимъ образомъ случилось, что и гробница, въ которой отчасти покоились мощи блаженнаго Климента, совсѣмъ обрушилась и отъ долговѣчности временъ не уцѣлѣло даже воспоминанія, которое указывало бы гдѣ была гробница.

3. «Такъ сказывалъ тотъ великій и таковой по истинѣ философъ. Когда же недавно легаты апостольскаго престола находились въ Константинополѣ, посланные туда для присутствія на вселенскомъ соборѣ, а и мнѣ случилось въ то же время по другой причинѣ очутиться тамъ же, мы сообща порѣшили приложить всѣ старанія, чтобы привести все въ ясность, и мы узнали сущую правду отъ Митрофана, настоятеля Смирнской митрополіи, мужа, славящагося святостью и мудростью, который, какъ намъ стало извѣстно, въ то время проживалъ недалеко отъ Херсона, сосланный туда вмѣстѣ съ другими отъ Фотія. Будучи тѣмъ лучше увѣдомленъ о событіи, чѣмъ ближе къ мѣсту онъ находился, онъ сообщилъ намъ, пытливо распрашивавшимъ о всемъ томъ, о чемъ выше упомянутый философъ не хотѣлъ разсказывать, боясь упрека въ гордости. Онъ передалъ намъ, что Константинъ философъ, направленный императоромъ Михаиломъ въ Хазарію проповѣдывать слово Божіе, находясь часто въ Херсонѣ, то пріѣзжая туда, то уѣзжая обратно, потому что этотъ городъ пограниченъ съ Хазарскою землею, сталъ внимательно развѣдывать, гдѣ храмъ, гдѣ гробница, гдѣ тѣ знаки блаженнаго Климента, которые точно опредѣлялись въ памятникахъ, о немъ написанныхъ. Но всѣ жители того мѣста, будучи не туземцы, а пришельцы изъ разныхъ варварскихъ народовъ, даже лютые разбойники, увѣряли, что ничего не знаютъ о томъ, чтó онъ говоритъ. Философъ, удивленный этимъ, предался молитвѣ и долгое время просилъ Бога объявить ему мощи и святого объявиться ему. Онъ поощрялъ также спасоносными внушеніями епископа съ клиромъ и народомъ на дѣйствіе, показавъ имъ и прочитавъ, чтó въ множествѣ книгъ передавалось о мученіи, чтó о чудесахъ, чтó о сочиненіяхъ блаженнаго Климента, и чтó въ особенности о по-

стройкѣ храма, находившагося гдѣ-то недалеко отъ нихъ, и о положеніи самого святого въ немъ же; онъ глубоко одушевилъ всѣхъ въ раскопку тѣхъ береговъ и на разысканіе столь драгоцѣнныхъ мощей святого мученика и апостолика, въ порядкѣ, описанномъ самимъ философомъ въ его историческомъ разсказѣ». Вотъ какъ передавалъ намъ вышеупомятутый Митрофанъ.

4. Впрочемъ въ греческихъ школахъ преподаетси то, что́ тотъ же дивный по истинѣ философъ издалъ и приложилъ въ гимпологій Бога всемогущаго въ честь торжественнаго открытія святыхъ мощей. Но существуютъ также два его прославленныя сочиненія, именно коротенькая повѣсть и одно торжественное слово, переведенныя мною языкомъ неуклюжимъ и далеко отступающимъ отъ блистательнаго краснорѣчія его, которыя я посылаю тебѣ, поручая употребленію твоего отчества то, что́ для поясненія памятниковъ его мною вкратцѣ прибавлено и что́ будетъ изглажено валькомъ твоего сужденія. Свитокъ же гимна, который тотъ же философъ издалъ въ славу Божію и блаженнаго Климента, я не рѣшился перевести, потому что въ латинскомъ переводѣ, если бы вышло то слишкомъ мало, то слишкомъ много слоговъ, не было бы складной, ладящей съ напѣвомъ гармоніи. Но если ты, мужъ желаній, и это возложишь на меня, приступлю къ тому, чего востребуешь, съ помощью Божіею. Если отъ моего писанія не будетъ пользы другимъ, то буду полезенъ хоть себѣ, по крайней мѣрѣ покорностью.

5. Наконецъ не хочу скрывать отъ твоего святительства, что блаженный Климентъ написалъ еще нѣкоторыя вещи, не дошедшія до нашего свѣдѣнія, о которыхъ упоминаетъ святой Діонисій Ареопагитъ, епископъ аѳинскій, и блаженный Іоаннъ скиѳопольскій, поученіе котораго имѣется въ дѣяніяхъ соборныхъ; содержаніе ихъ объ этомъ, переведенное уже давно, ты найдешь въ рукописи упомянутаго св. Діонисія, епископа аѳинскаго. И это надо будетъ включить въ сочиненіе, которое о жизни блаженнаго Климента составляетъ, по твоему настоянію, упомянутый выше служитель Христа. О томъ же, какъ мощи самого досто-

чтимаго Климента перенесены въ Римъ, принесенныя часто поминаемымъ философомъ, и тутъ же положены, я не считаю нужнымъ писать тебѣ, такъ какъ ты и самъ не можешь не знать этого, бывшій очевидецъ, да и писатель житія, какъ я думаю, не долженъ миновать это молчаніемъ.

Это содержаніе новонайденнаго письма прежде всего дѣйствуетъ очень пріятно на читателя задушевностью всѣхъ отзывовъ библіотекаря Анастасія о Константинѣ философѣ. Мы знали, правда, и до сихъ поръ, что Анастасій принадлежалъ къ числу поклонниковъ и почитателей Константина философа. Но письмо его выставляетъ ученость нашего первоучителя въ новомъ освѣщеніи. Приготовленія Константина къ разысканію мощей св. Климента производятъ впечатлѣніе, напоминающее о дѣятельности лучшихъ археологовъ нашего времени. Философъ выступаетъ передъ нами какъ историкъ, ораторъ и поэтъ. Анастасій, который и самъ славился необыкновенною для того времени ученостью, охотно уступаетъ Константину первенство; онъ хвалитъ его краснорѣчіе на столько, что въ сравненіи съ греческимъ подлинникомъ Константина называетъ свой переводъ грубымъ, неуклюжимъ. Поэтическое описаніе торжества открытія онъ даже не рѣшился перевести: на столько оно отличалось искусствомъ размѣровъ, гармоничностью греческаго стихосложенія.

Смыслъ письма Анастасія вообще намъ понятенъ, но нѣкоторыя мѣста вызываютъ все-таки маленькія недоумѣнія. Къ сожалѣнію, переводъ сочиненій, препровождаемый при этомъ письмѣ Гаудериху, не сохранился. Хотѣлось бы знать, почему Анастасій въ своемъ письмѣ подробно излагаетъ (пунктъ 2-й) о прекращеніи чуда и исчезновеніи всѣхъ воспоминаній о св. Климентѣ въ городѣ Херсонѣ, тогда когда самъ Константинъ философъ сообщалъ объ этомъ въ приложенной въ латинскомъ переводѣ повѣсти. Должно быть, въ повѣсти Константина, который не любилъ много писать о себѣ, заключалось не все то, чтó сообщаетъ пунктъ второй письма Анастасія. Но откуда заимствовалъ Анастасій свой раз-

сказъ? Въ пунктѣ второмъ его письма не упоминается еще о временномъ пребываніи его въ Константинополѣ, и о Митрофанѣ еще рѣчи нѣтъ. Стало быть то, что разсказывается въ пунктѣ второмъ письма, могло выйти изъ устъ самого философа, разсказывавшаго объ этихъ обстоятельствахъ въ Римѣ, когда приставали къ нему съ запросами о томъ и другомъ, въ числѣ же слушателей былъ и Анастасій. Во всякомъ случаѣ письмо его обогащаетъ наши свѣдѣнія о св. Кириллѣ троякимъ образомъ:

Во-первыхъ, въ пунктѣ второмъ сообщается прямо со словъ Константина философа о томъ, какъ и почему преданіе о св. Климентѣ и его мощахъ въ Херсонѣ пропало безслѣдно изъ памяти тамошняго народонаселенія. Хотя этотъ разсказъ по своему существу уже былъ намъ извѣстенъ, но до сихъ поръ мы не знали прямого источника его; не догадывались, что эта аргументація сложилась въ головѣ нашего философа вслѣдствіе внимательнаго наблюденія мѣстныхъ обстоятельствъ.

Во-вторыхъ, теперь впервые дѣлается намъ извѣстнымъ, что Константинъ философъ не любилъ разсказывать о своемъ выдающемся участіи въ дѣлѣ открытія мощей. Даже въ Римѣ, куда онъ принесъ св. мощи, подробныя обстоятельства обрѣтенія мощей остались неразгаданными. Только послѣ смерти Константина, лѣтъ шесть или семь спустя, узнали римляне, и въ числѣ ихъ Анастасій, въ бытность свою въ Константинополѣ, изъ разсказовъ митрополита Митрофана о томъ, что во всѣмъ этомъ дѣлѣ игралъ первую и главную роль самъ Константинъ. Этимъ новымъ извѣстіемъ пріобрѣтаетъ неожиданное значеніе одинъ славянскій источникъ, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь.

Въ-третьихъ, изъ письма Анастасія мы теперь впервые узнаемъ, что Константинъ былъ также авторомъ трехъ греческихъ сочиненій, относящихся къ открытію мощей св. Климента. Повидимому и этотъ фактъ оставался неизвѣстнымъ римлянамъ до тѣхъ поръ, пока Анастасій не пріѣхалъ въ Константинополь. Иначе было бы необъяснимо молчаніе Анастасія, къ которому, какъ мы слышали, Гаудерихъ обращался съ просьбами еще

раньше поѣздки его въ Константинополь. Еслибъ Анастасій въ Римѣ получилъ какое-либо изъ трехъ греческихъ сочиненій Константина философа, онъ могъ бы удовлетворить Гаудериха гораздо раньше. Итакъ, Константинъ не хотѣлъ въ Римѣ разсказывать не только о своемъ личномъ участіи, но и о своей литературной дѣятельности по этому вопросу. По моему, этимъ умалчиваніемъ объясняется многое изъ непродолжительнаго пребыванія Константина философа въ Римѣ, между прочимъ и очень странный выводъ профессора Фридриха (пунктъ 14-й, на стр. 438), утверждающаго, что «изобрѣтеніе славянскихъ письменъ неправильно приписывается Константину, и что это позднѣйшая выдумка»! Константинъ не любилъ много распространяться о себѣ; если даже о такомъ фактѣ, интересовавшемъ римлянъ, какъ обрѣтеніе мощей св. Климента, онъ говорилъ мало и далеко не все, чтó могъ бы сказать, то очень понятною становится его молчаливость по другимъ вопросамъ, гораздо менѣе интересовавшимъ ученыхъ римлянъ, напримѣръ, объ изобрѣтеніи письменъ для славянъ, о проповѣднической и апостольской дѣятельности въ Моравіи и т. д. Обо всемъ этомъ знали только очень немногіе, вѣрные послѣдователи и спутники его, и тѣ изъ римлянъ, которыхъ уже никакъ нельзя было миновать. Итакъ, молчаніе Анастасія о вещахъ, которыя не касались прямо запроса епископа Гаудериха, не доказываетъ еще и ихъ несуществованія. Вѣдь много лѣтъ не существовала для Анастасія и литературная дѣятельность Константина философа, но узналъ же онъ о ней потомъ въ Константинополѣ.

Письмо библіотекаря Анастасія не позволяетъ теперь сомнѣваться въ томъ, что нашъ философъ написалъ на греческомъ языкѣ три сочиненія, относящіяся къ св. Клименту: во-первыхъ, историческую повѣсть, во-вторыхъ, торжественное слово, и въ-третьихъ, стихотворную похвалу. Въ нашей удивительно вѣрной легендѣ о св. Кириллѣ сохранился коротенькій намекъ на одно изъ этихъ сочиненій въ словахъ (гл. 8): «ꙗкоже пишеть въ обрѣтении кго». Эта ссылка имѣетъ, должно быть, въ виду пер-

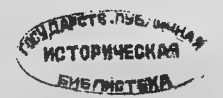
вое сочиненіе нашего философа, т. е. исторію обрѣтенія. Со вторымъ же ближе соприкасается сохранившееся въ русской литературѣ, въ Четьихъ-Минеяхъ, «слово о перенесеніи мощей св. Климента» (изданное впервые въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ. Москва. 1865). Этотъ памятникъ обращалъ, правда, и до сихъ поръ на себя вниманіе, но на него указывалось какъ-то несмѣло, съ большими оговорками и опасеніями. Понятно почему; вѣдь въ немъ разсказывается объ открытіи мощей св. Климента, но безъ упоминанія объ участіи въ этомъ дѣлѣ Константина философа, о чемъ мы доселѣ знали только изъ двухъ легендъ, но все же вѣрили имъ. Кажущаяся разница между передачею фактовъ по легендамъ и по этому слову сбивала всѣхъ изслѣдователей съ толку. Хотя еще Шафарикъ (Разцвѣтъ слав. письменности, Чтеніе Общ. ист. и др. моск. 1847 г., № 7, стр. 41—42) и Бодянскій (О происхожд. письменъ, стр. 74, XLVIII—XLIX) высказывали догадку, что это слово могло быть написано самимъ Константиномъ философомъ, все же ни они, ни Викторовъ, коснувшійся этого вопроса въ Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ (стр. 409), не дошли до положительныхъ результатовъ. Рѣшительнѣе другихъ высказался въ пользу авторства Константина Викторовъ, но противъ его доводовъ возсталъ Вороновъ, возражая, какъ всегда, очень остроумно (на стр. 90—94). На этомъ изслѣдованія прекратились. Мой отчетъ о возраженіяхъ Викторова (Archiv IV. 125 f.) старался только еще убѣдительнѣе доказать, что слово въ нынѣшнемъ его видѣ написано не Константиномъ, и что не имъ (т. е., не предполагаемымъ греческимъ подлинникомъ его) пользовался авторъ легенды Кирилловской. Теперь впервые читаемъ мы въ письмѣ Анастасія отзывъ о сочиненіяхъ Константина философа, который представляетъ какъ будто бы разрѣшеніе загадки, почему въ «словѣ о перенесеніи мощей» нѣтъ упоминанія о Константинѣ. Анастасій говоритъ прямо, что Константинъ въ своихъ сочиненіяхъ нарочно умолчалъ о себѣ. Такимъ образомъ одно препятствіе, сильно мѣшавшее до сихъ поръ отожествленію этого слова съ авторствомъ Константина, устраняется оконча-

тельно. Въ виду этого важнаго обстоятельства вопросъ о томъ, не принадлежитъ ли «слово» дѣйствительно Константину, всплываетъ наружу съ новою силою. Да можно сказать, что теперь уже и сомнѣнія быть не можетъ въ томъ, что это слово въ концѣ концовъ основывается на сочиненіи Константина. Подробныя изслѣдованія должны только рѣшить вопросъ, сохранился ли въ «словѣ» подлинный видъ второго сочиненія Константина философа, sermo declamatorius, или же въ славянскомъ переводѣ «слова» уцѣлѣла только позднѣйшая передѣлка подлиннаго сочиненія, для которой анонимный компиляторъ могъ употребить, кромѣ «слова» въ его подлинномъ видѣ, и историческую повѣсть. На эту мысль наводитъ легко уже заглавіе слова: «Слово на пренесеніе мощемъ преславнаго Климента историческоую имоуще бесѣдоу...» Что значитъ здѣсь историческая бесѣда? Не напоминаетъ ли эта прибавка въ заглавіи слова ту въ письмѣ Анастасія historica narratio? Выходитъ, будто кто-то, передѣлывая слово, включилъ въ него также отрывки изъ «исторической бесѣды». Я не считаю этими намеками вопросъ рѣшеннымъ, но указываю на важность письма и въ этомъ отношеніи.

Слѣды этого письма замѣтны, но не въ томъ сочиненіи, для котораго оно собственно было перназначено вмѣстѣ съ приложенными переводами. Житіе св. Климента, заказанное епископомъ Гаудерихомъ упомяпутому діакону Іоанну, до сихъ поръ не отыскано въ полномъ объемѣ; уцѣлѣлъ только отрывокъ его (первая часть), съ посвященіемъ труда папѣ Іоанну VIII (Bibl. Cassin. IV. 273). По отрывку нельзя, конечно, судить о цѣломъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что о подвигахъ Константина философа могло и должно было излагаться только въ послѣдней части житія, гдѣ на очереди былъ разсказъ объ открытіи мощей и перенесеніи ихъ (по крайней мѣрѣ части ихъ) въ Римъ. Нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, что эта часть житія была составлена по слѣдующимъ тремъ источникамъ: 1) по содержанію новонайденнаго письма; 2) по исторической повѣсти самого Константина, доставленной епископу Гаудериху въ латин-

скомъ переводѣ Анастасія; 3) по разсказамъ епископа Гаудериха, бывшаго очевидцемъ перенесенія мощей въ Римъ. Напротивъ, трудно и невѣроятно предположить, чтобы въ послѣдней части жизнеописанія св. Климента сообщалось о Константинѣ Философѣ еще что-либо, кромѣ участія его въ обрѣтеніи мощей, напримѣръ, то, чтó онъ сдѣлалъ для славянъ. Все это не входило въ рамку житія и въ планы Гаудериха или діакона Іоанна. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ сохранившееся письмо Анастасія. Этотъ ученый римлянинъ былъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ Константину Философу и считался большимъ его поклонникомъ; неоднократные похвальные его отзывы о Философѣ написаны всѣ послѣ смерти послѣдняго. Несмотря однакожъ на всѣ эти обстоятельства, Анастасій не сказалъ никогда ни слова объ апостольской дѣятельности Константина среди славянъ. А если въ письмѣ, прямою цѣлью котораго было возстановленіе заслугъ Константина Философа, Анастасій не захотѣлъ удалиться ни на шагъ отъ главнаго предмета, то тѣмъ менѣе можно предполагать или ожидать, чтобъ оффиціальный жизнеописатель св. Климента или епископъ Гаудерихъ сдѣлали отступленіе отъ правила и стали подробно говорить о дѣятельности Константина внѣ предѣловъ своей ближайшей задачи. Это соображеніе, въ вѣрности котораго я убѣжденъ, очень важно для правильной оцѣнки такъ-называемой Италіанской легенды.

Много разъ поднимался уже вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи стоитъ Италіанская легенда къ жизнеописанію св. Климента, составленному по порученію Гаудериха. Многіе изслѣдователи, соглашаясь съ издателемъ легенды Геншеномъ (у болландистовъ), придерживались того мнѣнія, что Италіанская легенда не что иное, какъ часть житія св. Климента, что въ ней уцѣлѣлъ отрывокъ изъ послѣдней части жизнеописанія. Quam porro nos hic daturi sumus Translationis eius historiam, eam suspicamur a Gauderico Velitrarum episcopo... esse conscriptam. Такъ говорилъ Геншенъ. Гинцель, повторяя догадку Геншена, ставитъ Италіанскую легенду во главѣ источниковъ легендарнаго

характера, придаетъ ей больше значенія, чѣмъ всѣмъ прочимъ (стр. 12), утверждаетъ, что она отличается «простотой и благоразуміемъ разсказа». Рачкій даетъ этой легендѣ предпочтеніе передъ всѣми прочими, по крайней мѣрѣ по вопросу о посвященіи Константина философа въ епископы (стр. 220). Бильбасовъ, возражая противъ Викторова, остался «при томъ убѣжденіи, что Италіанская легенда должна быть поставлена выше всѣхъ памятниковъ» (ч. I, стр. 16). Умалить значеніе ея старались два русскіе ученые, посвятившіе критическому разбору ея большое вниманіе: проф. Вороновъ и П. А. Лавровскій. Имъ казалось вѣроятнымъ, что она составлена не раньше, какъ въ XIV столѣтіи, и что даже Legenda Aurea Якова de Voragine вошла въ число ея источниковъ. Въ защиту легенды возсталъ потомъ о. Мартыновъ, съ доводами котораго можно и не соглашаться въ полномъ ихъ объемѣ, но существенную часть его аргументаціи я считаю вполнѣ убѣдительною, о чемъ и сказано у меня въ Archiv für slav. Philologie IV. 123—127 и X. 307—310. Здѣсь можно оставить въ сторонѣ вопросъ о зависимости Италіанской легенды отъ того или другого источника грекославянскаго, но послѣ новонайденнаго письма Анастасія стало мнѣ ясно, что теперь уже нельзя говорить, вмѣстѣ съ Геншеномъ или Бильбасовымъ, объ Италіанской легендѣ въ полномъ ея составѣ, какъ объ отрывкѣ изъ третьей части житія св. Климента. Нѣтъ, не цѣлая Италіанская легенда входила въ составъ житія, а только часть ея, излагающая въ житіи св. Кирилла одинъ только эпизодъ, то-есть, открытіе мощей св. Климента и перенесеніе ихъ въ Римъ. Эта часть обрисована ясно содержаніемъ легенды. То, чтó въ ней относится къ мощамъ св. Климента, заимствовано изъ Гаудериха. Да и тутъ опять разница между тѣмъ, чтó попало въ легенду изъ третьей части Гаудериха по изложенію діакона Іоанна, и тѣмъ, чтó взято изъ письма библіотекаря Анастасія. Стоитъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что въ той части легенды, которая обнаруживаетъ сходство съ передачею разсказа со словъ Митрофана, изложеніе ея нѣсколько обстоятельнѣе, чѣмъ въ коротенькомъ повтореніи

словъ Константина въ письмѣ Анастасія. Стало быть, для этой части авторъ легенды черпалъ прямо изъ изложенія житія, содержавшаго въ себѣ болѣе подробный разсказъ, чѣмъ онъ намѣченъ въ пунктѣ 3-мъ письма Анастасіева. Сопоставимъ прежде всего текстъ легенды съ письмомъ въ 3-емъ его пунктѣ:

Италіанская легенда.	Письмо (со словъ Митрофана).
C. 1. . . . Tunc imperator. . . praefatum philosophum advocans... transmisit illuc...	
C. 2. . . . iter arripiens venit Chersonam, quae nimirum terrae vicina Cazarorum et contigua est ibique gratia discendi linguam gentis illius est aliquantulum demoratus. Interea deo inspirante, qui... corpus.. s. Clementis fidelibus suis revelare decreverat, coepit praefatus vir, ac si curiosus explorator, ab incolis loci diligentissime perscrutari ac solerter investigare illa quae ad se tum litterarum traditione tum quoque vulgari fama de corpore b. Clementis, de templo angelicis manibus praeparato sive de arca ipsius pervenerant. Ad quem praefati omnes, utpote non indigenae, sed diversis ex gentibus advenae, se quod requireret omnino nescire professi sunt...	Constantinus philosophus a Michaele imperatore in Gazaram pro divino praedicando verbo directus, cum Cersonam quae Chazarorum terrae vicina est pergens ac rediens frequentaverit, coepit diligenter investigare, ubinam templum, ubi archa, ubi essent illa b. Clementis insignia, quae monumenta super eo descripta liquido declarassent. Sed quod omnes accolae loci illius utpote non indigenae, sed ex diversis barbaricis gentibus advenae, immo valde saevi latrunculi, nescire se quae diceret testabantur.
C. 3. Super quo responso miratus valde... philosophus... ad	Super quo stupefactus philosophus se in orationem multo

orationem conversus est, ut quod per homines explorare non poterat divina sibi revelatio... dignaretur ostendere. Civitatulae ipsius metropolitam, nomine Georgium, simul cum clero et populo ad eadem... invitans; super hoc etiam referens illius gesta passionis, seu miraculorum eiusdem beatissimi martyris, plurimos eorum accedere et tam pretiosas margaritas tamdiu neglectas requirere et in lucem deo iuvante reducere suis adhortationibus animavit.

tempore dedit deum revelare, sanctum vero revelari corpus deposcens.

Sed quod et episcopum cum clero plebeque gerendum salutiferis hortationibus excitavit ostensoque ac recitato quid de passione quidve de miraculis, quid etiam de scriptis b. Clementis et praecipue quid de templi structura... librorum numerositas commendabat, omnes ad litora fodienda et tam preciosas reliquias s. martyris et apostolici inquirendas... animavit.

Хотя въ сущности оба изложенія очень близки другъ къ другу, все же въ легендѣ упоминается кое-что, чего въ письмѣ нѣтъ, напримѣръ, особая причина пребыванія Константина въ Херсонѣ, или же именуемый Георгіемъ митрополитъ, какъ принявшій участіе въ поѣздкѣ по морю, о чемъ письмо Анастасія ничего не говоритъ. Это доказываетъ, по моему, что въ приложенномъ переводѣ исторической повѣсти Константина, а слѣдовательно, и въ третьей части жизнеописанія св. Климента, попадались также подробности, которыхъ въ письмѣ Анастасія нѣтъ, напримѣръ, имя Георгія, хотя оно въ передачѣ словъ митрополита Митрофана не упомянуто. Достовѣрность этого имени засвидѣтельствована «словомъ» на перенесеніе мощей, гдѣ сказано: «оубоуди етеры живоуща в Херсоне, паче же вѣрнаго пастырѧ Геѡргіа».

Тѣ обстоятельства, о которыхъ упоминается въ письмѣ Анастасія со словъ самого Константина Философа,—тутъ и для

жизнеописанія св. Климента не могло быть болѣе надежнаго и точнаго источника, — внесены въ легенду изъ письма, почти съ буквальною точностью, только въ сокращенномъ видѣ:

Италіанская легенда.

C. 2 ... Siquidem ex longo iam tempore, ob culpam et negligentiam incolarum, miraculum illud marini recessus, quod in historia passionis praefati pontificis celebre satis habetur, fieri destiterat et mare fluctus suos in pristinas stationes refuderat. Praeterea et ob multitudinem incursantium barbarorum locus ille desertus est et templum neglectum atque destructum, et magna pars regionis illius fere desolata et inhabitabilis reddita, ac propterea ipsa sancti martyris arca cum corpore ipsius fluctibus obruta fuerat.

Письмо Анастасія (по разсказу Константина).

Cum inquit ob nostrorum copiam peccatorum miraculum marini recessus, quod inter alia huius beati Clementis miracula lectitatur, apud Cersonam more solito a multis retro temporibus fieri minime cerneretur, mare quippe fluctus suos ad nonnullos retractos (?) spatia in proprios sinus collegerat, cepit populus a veneratione templi illius paulatim tepescere... subducto itaque miraculo... et crescente circumquaque multitudine paganorum ... desertus est et factus inhabitabilis locus, destructum templum et tota illa pars Cersonicae regionis propemodum desolata est... Hac itaque causa factum est, ut ipsa quoque archa.... penitus obrueretur.

Это совпаденіе двухъ разсказовъ въ той части, гдѣ существуютъ параллели, заставляетъ насъ вѣрить, что и все прочее содержаніе легенды, на сколько оно касается открытія мощей св. Климента, произошло изъ того же вполнѣ надежнаго источника, а именно изъ послѣдней части жизнеописанія св. Климента, составленнаго по прямымъ источникамъ — по переводу истори-

ческой повѣсти Константина философа и по письму библіотекаря Анастасія. По мнѣнію профессора Фридриха, легенда почерпнула изъ упомянутаго источника все, чтó разсказывается въ главахъ 3-й — 5-й. Можно, кажется, прибавить еще и главу 6-ю: два извѣстія ея также повторяются въ Кирилловской легендѣ: во-первыхъ, хазары пишутъ византійскому императору благодарственное письмо (въ Кирилл. легендѣ, гл. 11, письмо послано, какъ и естественно было ожидать, каганомъ хазарскимъ); во-вторыхъ, Константинъ философъ, отказываясь отъ прочихъ подарковъ, проситъ только объ освобожденіи рабовъ (и это разсказывается въ Кирилловской легендѣ). Но профессоръ Фридрихъ смотритъ на 6-ю главу Италіанской легенды съ большимъ подозрѣніемъ; ему кажется, что тутъ между разсказомъ письма Анастасіева и Италіанской легенды, которую въ данномъ мѣстѣ поддерживаетъ также легенда Кирилловская, проявляется непримиримое разногласіе, и онъ не прочь обвинить обѣ легенды въ произвольномъ измѣненіи первоначальнаго изложенія. Дѣло въ томъ, что и Италіанская, и Кирилловская легенды помѣщаютъ свой разсказъ о проповѣднической дѣятельности Константина философа среди хазаръ послѣ состоявшагося уже обрѣтенія мощей св. Климента, а письмо Анастасія, по толкованію проф. Фридриха, излагаетъ факты въ другомъ порядкѣ, который издателю письма лучше нравится. Онъ говоритъ: «Nun sagt Anastasius deutlich, dass Constantinus, da er zu den Chasaren reisend und von ihnen zurückkehrend, Nachforschungen nach der Religion des h. Clemens anstellte (pergens ac rediens c. 3) *erst nach der Lösung seiner Aufgabe* bei den Chazaren diese auffand» (стр. 408—409). Съ этимъ толкованіемъ латинскаго подлинника я никакъ не могу согласиться; я нигдѣ не нахожу въ немъ той опредѣленности относительно времени, когда состоялось открытіе мощей, которую нашелъ и прочелъ въ немъ профессоръ Фридрихъ. По моему, онъ упустилъ изъ виду одно важное латинское выраженіе. Латинскій текстъ говоритъ не только о pergens ac rediens, но и прибавляетъ глаголъ frequentare: cum Cersonam... pergens et rediens

frequentaret, что́, по моему, значитъ, что Константинъ не однажды сдѣлалъ путешествіе въ Херсонъ и обратно, а неоднократно ѣздилъ туда и возвращался оттуда: поэтому-то и Анастасій прибавляетъ слова: «quae Chazarorum terrae vicina est», желая этимъ пояснить, почему могло такъ случиться, что Константинъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Херсонъ. Если такъ понимать слова латинскаго подлинника, то и мнимое разногласіе между письмомъ Анастасія и легендами теряетъ силу. У Анастасія нигдѣ не сказано, чтобъ открытіе мощей св. Климента сдѣлано было какъ разъ на обратномъ пути Константина изъ Хазаріи домой: оно могло состояться также въ одинъ изъ тѣхъ промежутковъ времени, когда Константинъ проживалъ въ Херсонѣ, еще не кончивъ своего подвига среди хазаръ. Въ такомъ случаѣ, легенды могли включить этотъ эпизодъ въ жизнеописаніе св. Кирилла или въ началѣ, или въ концѣ его поѣздки въ Хазарію. Согласное преданіе обѣихъ легендъ, при доказанномъ уже родствѣ одной изъ нихъ съ собственнымъ изложеніемъ Константина, говоритъ, по моему, въ пользу подлинности такого порядка изложенія.

Но мнѣ хочется обратить вниманіе на различную обработку хазарскаго эпизода въ Италіанской и Кирилловской легендахъ. Викторовъ, какъ извѣстно, силился доказать, что Италіанская легенда находится въ полнѣйшей зависимости отъ Кирилловской. Но при такомъ объясненіи ихъ взаимнаго отношенія поражаетъ тотъ фактъ, что Италіанская легенда говоритъ объ обрѣтеніи мощей обширно, а Кирилловская — очень сжато, ссылаясь для подробностей на историческую повѣсть (гл. VIII). Мы только теперь можемъ понимать, какъ слѣдуетъ, слова: «ꙗкоже пишеть въ обрѣтении ѥго». Подлежащаго для этого предложенія нужно искать не въ передачѣ славянскаго текста на латинское scribitur; подлежащимъ является не кто другой, какъ самъ Константинъ Философъ. Такимъ образомъ Кирилловская легенда, сокративъ эпизодъ объ обрѣтеніи мощей въ нѣсколько строкъ, ссылается для всего прочаго на источникъ, написанный самимъ философомъ

«объ обрѣтеніи». Это и есть его storiola или brevis historia. На оборотъ, Италіанская легенда, разсказывающая объ обрѣтеніи мощей подробно, сократила разсказъ о дѣятельности Константина среди хазаръ до очень ограниченныхъ размѣровъ, между тѣмъ какъ въ Кирилловской легендѣ онъ изложенъ съ замѣчательною подробностью. Какъ извѣстно, въ этой легендѣ точно указанъ даже источникъ длиннаго эпизода, внесеннаго въ нее, о преніи Константина съ каганомъ и хазарами. Это не что иное, какъ написанныя на греческомъ языкѣ бесѣды Константина философа, переведенныя потомъ на славянскій языкъ братомъ его Меѳодіемъ: «иже хощеть совршеныихь сихь бесѣдь искати истыхь, въ книгахь кго обрещеть к, клико прѣложи оучитель нашь, арьхикпископь Меѳодик» (гл. 10). Нѣтъ ни малѣйшей причины сомнѣваться въ полной достовѣрности этого свидѣтельства, а такъ какъ обо всемъ томъ нѣтъ ни малѣйшаго намека въ Италіанской легендѣ, то ужь изъ этого разногласія легко сдѣлать единственно правильный выводъ, что Италіанская легенда и Кирилловская не стоятъ въ какой-либо зависимости другъ отъ друга, а напротивъ, та и другая брали матеріалъ независимо другъ отъ друга изъ тѣхъ же третьихъ источниковъ, каждая пользуясь ими по собственному усмотрѣнію. Итакъ, Кирилловская легенда для передачи разсказа объ обрѣтеніи мощей св. Климента знала, должно быть, о сочиненіяхъ Константина на греческомъ языкѣ съ придачей устнаго преданія или поправки, касающейся личнаго участія самого Константина въ этомъ дѣлѣ; Италіанская же легенда знала тотъ же самый источникъ по латинскому переводу съ придачею письма библіотекаря Анастасія. Эпизодъ хазарскій разработанъ очень обширно въ Кирилловской легендѣ опять-таки по сочиненію Константина философа, по его «бесѣдамъ»; въ Италіанской же легендѣ не замѣтно признаковъ знакомства съ этимъ сочиненіемъ.

Тѣ немногія слова, которыя читаются о хазарскомъ эпизодѣ въ гл. 6-й Италіанской легенды, авторъ ея могъ найти или въ житіи св. Климента, или же въ какомъ-нибудь другомъ памят-

никѣ, не дошедшемъ до насъ. Но никакъ нельзя согласиться со страннымъ взглядомъ профессора Фридриха, что Кирилловская легенда черпала свои свѣдѣнія изъ легенды Италіанской. Профессоръ Фридрихъ справедливо выставляетъ хорошее знакомство Кирилловской легенды съ обстоятельствами Рима; въ концѣ легенды разсказывается, что римляне «написавше икону ѥго надъ гробомь ѥго начеше свѣтити надъ нимь дьнь и нощь» (гл. 18), но вотъ этого-то извѣстія какъ разъ и нѣтъ въ Италіанской легендѣ! За то въ ней разсказывается о посвященіи Константина во епископы (гл. 9), о чемъ Кирилловская легенда ничего не знаетъ. Какъ же объяснить пропускъ этого немаловажнаго факта въ Кирилловской легендѣ, если она пользовалась Италіанскою легендой? Просто не понятно! Проф. Фридрихъ полагаетъ, правда, что авторъ Кирилловской легенды могъ знать объ участіи Константина въ открытіи мощей только по латинскимъ источникамъ (Гаудериха и Анастасія, стр. 430). Вѣрно, что въ греческомъ сочиненіи Константина не указывалось на его личное участіе: оно было нарочно пройдено молчаніемъ. Но не надобно забывать, что авторъ Кирилловской легенды принадлежалъ къ числу лицъ, если не лично знавшихъ Меѳодія, то по крайней мѣрѣ узнавшихъ очень многое о жизни первыхъ учителей изъ показаній поколѣнія, жившаго вслѣдъ за ними. Не замѣчательно ли, что онъ называетъ Меѳодія «учителемъ нашимъ, архіепископомъ»? Слова эти производятъ впечатлѣніе еще очень свѣжей памяти о Меѳодіи; не скажу впрочемъ, чтобъ изъ нихъ можно было выводить, что архіепископъ Меѳодій былъ еще живъ. Такой авторъ могъ знать объ участіи Константина въ открытіи мощей св. Климента не только по той версіи, гдѣ имя его умалчивалось, но и ту поправку ея, по которой главнымъ побудителемъ и участникомъ былъ именно нашъ философъ. Было бы даже странно, еслибъ онъ не зналъ этого. Какова бы ни была причина, заставившая Константина хранить молчаніе о своемъ участіи, она исчезла съ его кончиною; Меѳодій же, вѣрный другъ своего брата, не могъ не знать о томъ, что митрополитъ смирнскій Митрофанъ

сумѣлъ сообщить Анастасію въ Константинополѣ. Для Меѳодія, пережившаго своего любимаго брата почти на двадцать лѣтъ, не было положительно никакой причины соблюдать тайну по отношенію къ факту, возвышавшему Константина въ памяти преданныхъ ему почитателей.

Профессоръ Фридрихъ не скрываетъ своего нерасположенія къ Кирилловской легендѣ. Но, кромѣ того, онъ относится къ ней очень пристрастно и несправедливо. Онъ, напримѣръ, не вѣритъ въ существованіе «бесѣдъ» Константина, упоминаемыхъ въ гл. 10-й: «die sonst Niemand kennt». Но вѣдь мы, такъ сказать, еще вчера не знали, что Константинъ написалъ также отчетъ объ обрѣтеніи имъ мощей св. Климента; а между тѣмъ легенда объ этомъ говоритъ точно и ясно. Невѣрный переводъ Миклошича, передавшаго «пишеть» черезъ scribitur вм. правильнаго scribit (sc. Constantinus), ввелъ профессора Фридриха въ заблужденіе и въ несправедливое обвиненіе, что-де авторъ легенды не зналъ объ этомъ («dass ihm Constantins Autorschaft an der von ihm erwähnten Inventio s. Clementis unbekannt sei», S. 431). Какъ не зналъ, когда написалъ: «якоже пишеть въ обрѣтении»? Ужь изъ этого одного примѣра видно, какъ опасно дѣлать обвинительные выводы на основаніи переводовъ, да еще притомъ неточныхъ. Но та же неудача подсмѣялась надъ профессоромъ Фридрихомъ и относительно именованія Константина философа Кирилломъ. Это извѣстіе не нравится проф. Фридриху; онъ не ожидалъ бы его въ Италіанской легендѣ (другое дѣло въ Кирилловской: въ ней оно не мѣшало бы ему!); ему хотѣлось бы даже доказать, что смѣшеніе Константина философа съ какимъ-то Кирилломъ произошло очень поздно, то-есть, въ XIII столѣтіи. На бѣду его все это не такъ. Проф. Фридрихъ, слишкомъ довѣряя чужимъ неточнымъ цитатамъ, думалъ, что даже въ 1057 году въ Россіи еще не знали для Константина названія Кириллъ! Но какъ разъ въ Остромировомъ евангеліи, которое онъ имѣетъ въ виду, въ календарѣ стоитъ такъ: .д҃і. м҃ца то҃. па҃ пр҃пдбьнаго аѵѯента чоудотворьца. и пр҃пдбьнаго о҃ца нашего Костантина философа

нареченаго въ чрьньчьство именьмь Курила (изд. Восток., л. 265,4). Въ Ассеманіевомъ евангеліи, не уступающемъ по древности Остромирову, отмѣчено даже только второе имя: «мѣца того .д҃і., стаго отьца нашего Кѵрила философа». Этими двумя историческими свидѣтельствами разрушаются всѣ соображенія профессора Фридриха, изложенныя на стр. 412—417. Не въ XIII столѣтіи, какъ онъ думаетъ, а еще въ X вѣкѣ было въ славянскомъ мірѣ распространено преданіе о томъ, что Константинъ философъ и Кириллъ философъ—одно и то же лицо. Поэтому нельзя иначе какъ произвольнымъ назвать толкованіе проф. Фридриха, когда онъ извѣстія обѣихъ легендъ, Италіанской и Кирилловской, о принятіи Константиномъ имени Кириллъ заподозрѣваетъ въ подлинности или же изъ-за этой прибавки весь памятникъ отодвигаетъ на нѣсколько столѣтій, какъ произведеніе очень позднее. Въ 10-й главѣ Италіанской легенды Кириллъ названъ «Philosophus qui et Constantinus». Проф. Фридрихъ находитъ и въ этомъ названіи нѣкоторое противорѣчіе съ выраженіемъ гл. 6-й: «famulo eius Constantino Philosopho»; но во-первыхъ, не кто другой, а самъ онъ хотѣлъ бы считать гл. 6-ю позднѣйшею вставкой; во-вторыхъ же, какая разница между выраженіями главы 10-й и главы 5-й, гдѣ сказано: vir... vocabulo Constantinus, qui... veraci agnomine Philosophus est appellatus? Стало быть, еще въ началѣ легенды выставлено рядомъ съ именемъ Константинъ названіе Philosophus, какъ verax agnomen его. Поэтому онъ и поминается подъ однимъ этимъ названіемъ въ главахъ: 1-й, 3-й (два раза), 6-й (три раза, но разъ также Constantinus Philosophus), 7-й (четыре раза), 9-й (два раза). Съ другой стороны, кромѣ единогласнаго преданія славянской старины и кромѣ Италіанской легенды, также пишетъ и Левъ Остійскій (Leo Ostiensis, († около 1114): Corpus ipsum a s. Cyrillo Slauorum episcopo inde sublatum et Romam delatum (ap. Catal. ss. lib. X, c. 98).

Италіанская и Кирилловская легенды совпадаютъ только въ упоминаніи имени Кириллъ, въ подробностяхъ же расходятся:

обстоятельство важное, на которое, какъ уже указано выше на стр. 22, проф. Фридрихъ не обратилъ достаточнаго вниманія. Если бы наша грекославянская легенда, какъ онъ думаетъ, сложилась только послѣ ознакомленія автора ея съ Италіанскою легендой, то мы ожидали бы отъ автора и перенятія извѣстія объ епископствѣ Кирилла. Западнославянскіе ученые (напримѣръ, Гинцель, Рачкій) не затрудняются въ этомъ пунктѣ дать предпочтеніе Италіанской легендѣ (Рачкій, стр. 223; Гинцель, изд. 2-е, стр. 47—48); но мнѣ кажется, что благоразумная воздержанность Кирилловской легенды въ этомъ пунктѣ сильно говоритъ въ пользу большей достовѣрности ея. Новонайденное письмо доказываетъ также, что Анастасій ничего не зналъ о посвященіи Константина во епископы. Правда, онъ не приводитъ имени Кириллъ, но это обстоятельство не столь было важно для него, чтобы, даже зная о немъ, онъ въ своихъ отзывахъ долженъ былъ замѣнить общеизвѣстное названіе «Константинъ философъ» именемъ, принятымъ только въ послѣдніе дни жизни. Другое дѣло, еслибъ Константинъ былъ посвященъ во епископы и по этому случаю получилъ или усвоилъ себѣ названіе Кирилла. Такого факта Анастасій, кажется, не могъ бы не знать и не могъ бы умолчать о немъ. А авторъ-славянинъ, узнавъ объ этомъ извѣстіи изъ Италіанской легенды, тоже не обошелъ бы его молчаніемъ въ своемъ сочиненіи, рисующемъ съ такою теплотою, съ такимъ восторгомъ и благоговѣніемъ дѣятельность Константина философа.

Мы очень обязаны профессору Фридриху за изданіе новонайденнаго письма библіотекаря Анастасія; но эта признательность не должна воздерживать насъ отъ возраженій противъ его довольно странныхъ толкованій на счетъ главнѣйшихъ источниковъ по вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи. Онъ принимаетъ, напримѣръ, гл. 7-ю Италіанской легенды за источникъ первостепенной важности, раздѣляя мнѣніе, по моему, ни на чемъ не основанное, что содержаніе этой главы найдено авторомъ легенды въ сочиненіи Гаудериха. Допустимъ даже, что это такъ, хотя я

уже выше доказалъ, что по правиламъ легендарнаго изложенія судьба Константина въ Моравіи не касается житія св. Климента; но какіе же выводы получаетъ изъ этой главы проф. Фридрихъ? Онъ говоритъ: «Da verlangt aber Rastislav von Mähren nur einen solchen Lehrer von Kaiser Michael, welcher die Mährer im Lesen (des Gesetzes?) und im vollkommenem Gesetz selbst unterrichte: qui ad legendum eos et ad perfectam legem ipsam edoceat». Вѣрно; такъ читаемъ мы въ легендѣ; но неужели изъ словъ ея: «cognoscentes loci indigenae adventum illorum valde gavisi sunt; quia et reliquias B. Clementis secum ferre audierant, et *Evangelium in eorum linguam a Philosopho praedicto translatum*» не явствуетъ, что Константинъ философъ еще съ самаго начала выступилъ въ Моравіи не какъ простой проповѣдникъ или только какъ учитель дѣтей? Дальше авторъ говоритъ: «Constantin übersetzt auch nur das Evangelium (die Pericopen?) ins Slavische, nicht die ganze Bibel, auch *nicht die Liturgie*... denn auch in der nachfolgenden kurzen Schilderung seiner Thätigkeit in Mähren ist von keiner anderen Uebersetzung mehr die Rede». Очень можетъ быть; мы съ этимъ охотно соглашаемся и уже давно знаемъ, что Константинъ перевелъ для перваго начала только евангельскія чтенія; но неужели проф. Фридрихъ станетъ отрицать фактъ, засвидѣтельствованный тысячелѣтнею исторіей славянъ, что этому переводу должно было предшествовать столь важное въ культурномъ отношеніи изобрѣтеніе письменъ? Объ этомъ, правда, въ легендѣ не упомянуто, но развѣ только тѣ вещи существуютъ въ мірѣ, о которыхъ говорится въ письменныхъ актахъ?! Противъ послѣднихъ словъ автора говорятъ прямо даже выраженія легенды: «manserunt ergo in Moravia per annos quattuor et dimidium et direxerunt populum illius in fide catholica et *scripta ibi reliquerunt omnia quae ad ecclesiae ministerium videbantur esse necessaria*». Какъ можно послѣ этихъ словъ, громко свидѣтельствующихъ объ учрежденіи славянской церкви въ Моравіи, говорить о томъ, что нѣтъ рѣчи о переводахъ? Неужели проф. Фридрихъ понимаетъ слова: «scripta ibi reliquerunt» въ смыслѣ не славянскомъ, а

развѣ въ латинскомъ или греческомъ? Это было бы уже такое крупное заблужденіе, что мы не хотимъ и тратить словъ на его опроверженіе. Проф. Фридрихъ впалъ въ ошибку, простительную для ученаго, который не знакомъ со всѣми сторонами сложнаго вопроса; онъ считаетъ содержаніе 7-й главы въ Италіанской легендѣ верхомъ совершенства и полноты, полагаетъ, будто бы въ ней сказано все, что́ нужно было сказать, и будто бы ничто не должно быть предполагаемо или прибавляемо къ тексту этой очень необширной главы. Поэтому и умолчаніе Италіанской легенды о изобрѣтеніи письменъ истолковано у него совсѣмъ превратно (стр. 421—422). Италіанская легенда просто не интересовалась этимъ вопросомъ; для нея онъ былъ безразличенъ. Грекославянскія легенды (Кирилловская и Меѳодіевская) изукрасили свой разсказъ прибавками легендарнаго стиля. Это правда. Но кто станетъ изъ-за легендарныхъ прибавокъ отрицать факты? Даже отъ такого громкаго свидѣтельства, какъ de conversione Caranthanorum, авторъ отдѣлывается софизмами. Онъ не принимаетъ въ разсчетъ словъ: «noviter inventis sclavinis litteris», а придирается къ упоминанію одного Меѳодія: почему-де анонимный авторъ обвинительнаго акта противъ Меѳодія не упоминаетъ также Константина: «Er scheint von Constantinus überhaupt nichts gewusst zu haben». Очень можетъ быть, прибавимъ мы отъ себя; но развѣ авторъ записки de conversione Caranthanorum долженъ былъ знать всѣ подробности? Не достаточно ли было для него видѣть передъ собою два факта: славянское богослуженіе съ славянскимъ письмомъ и Меѳодія во главѣ этого движенія? Проф. Фридрихъ прибавляетъ отъ себя критику: «so ist doch ein grosser Irrthum, dem Methodius statt seiner Brüders (Constantins) die Erfindung einer neuen slavischen Schrift zuzuschreiben». Тутъ я долженъ взять анонима подъ свою защиту. Изъ словъ его: «noviter inventis sclavinis litteris» вовсе не слѣдуетъ, чтобъ онъ считалъ изобрѣтателемъ Меѳодія; прибавка noviter доказываетъ даже наоборотъ, что анонимъ хотѣлъ только сказать: «на основаніи новоизобрѣтенныхъ письменъ», — кѣмъ же изобрѣтенныхъ, въ

это онъ не вдавался, да это и не было для него важно; довольно того, что онъ считалъ эти письмена, какъ и славянское богослуженіе, вообще нововведеніемъ. Второе свидѣтельство, происходящее прямо отъ папы Іоанна VIII, профессоръ Фридрихъ не прочь бы заподозрить какъ подлогъ (на стр. 411), хотя никакихъ доказательствъ на то не имѣется. Онъ самъ долженъ сознаться, что это письмо папы сохранилось въ копіи XI столѣтія,—доказательствъ же въ пользу подлога, который былъ бы совершенъ въ XI столѣтіи, нѣтъ положительно никакихъ. Въ то время славянская литургія не была въ такомъ положеніи, чтобы подлоги подобнаго рода могли разсчитывать на успѣхъ. (Текстъ напечатанъ по римскому подлиннику у Рачкаго на стр. 337—339). И вотъ въ этомъ папскомъ письмѣ читаемъ: «litteras denique sclauiniscas a Constantino quondam philosopho repertas, quibus Deo laudes debite resonent, iure laudamus». Не понимаю, по какимъ правиламъ высшей критики неупоминаніе письменъ въ Италіанской легендѣ могло бы быть предпочитаемо этому столь выразительному свидѣтельству. Напрасно авторъ старается умалить значеніе изобрѣтенія ссылкою на слова Дюмлера (стр. 423). Объ этомъ ему не надо-бы даже заботиться; мы ужь и безъ того знаемъ, въ какомъ смыслѣ можно говорить объ изобрѣтеніи письма. Такими изворотами авторъ ничего не выигрываетъ. Не только для папы Іоанна VIII, но для всего славянства до настоящей минуты Константинъ остается основателемъ славянской письменности,—нужды нѣтъ, что онъ не выдумалъ письменъ безъ образцовъ, безъ толчковъ, данныхъ ему тогдашнею жизнью и окружавшею его средою!

Нерасположеніе проф. Фридриха къ легендѣ Кирилловской отражается и въ томъ, что онъ ставитъ ее ниже Меѳодіевской легенды, и конечно, обѣ эти легенды опять ниже Италіанской. Доказательствомъ служатъ ему элементы полемическіе. На его взглядъ Италіанская легенда старше обѣихъ паннонскихъ потому, что въ ней еще нѣтъ рѣчи о борьбѣ за славянскую литургію или противъ нея. По той же мѣркѣ Меѳодіевская легенда (на стр. 432)

кажется ему несомнѣнно старше, а Кирилловская «entschieden jünger». Ни съ однимъ изъ этихъ положеній я не могу согласиться. Естественнѣе, кажется, предположить, что Италіанская легенда не входила въ полемическія подробности потому только, что вообще ея изложеніе отличается сжатостью. То, что́ короче, не всегда старше. Обвинять Кирилловскую легенду изъ-за ея обширности тоже несправедливо. Нужно прежде доказать, что эта обширность произошла въ ущербъ исторической правдѣ. По моему, это доказать нельзя. Такіе знатоки средневѣковой политической и церковной исторіи, какъ Дюмлеръ, Голубинскій, Малышевскій, Рачкій, всѣ единогласно до сихъ поръ признавали за Кирилловскою легендой высокія историческія достоинства. Поэтому я не могу не удивляться такому голословному обвиненію, какое высказываетъ проф. Фридрихъ на стр. 431: «Ich lege darum auch kein Gewicht auf die Nennung von Namen wie Bardas, Jannes, Arsenius und Anastasius Bibliothecarius. Der Verfasser suchte meines Erachtens in Constantinopel und Rom nach hervorragenden Namen aus der Zeit Constantins, um sie mit diesem in Verbindung zu bringen und dadurch seine weiter nicht beglaubigten Angaben über seinen Helden, namentlich aber über die Anerkennung der slavischen Liturgie in Rom zu stützen». Видно, почтенному профессору на столько непривычно встрѣтить какую-либо историческую цитату изъ славянскихъ источниковъ, что онъ не можетъ рѣшиться повѣрить ей, если нѣтъ свидѣтельства или поддержки для нея, написанныхъ по латыни! Мы могли бы надѣяться, что этотъ предразсудокъ не существуетъ больше въ ученой литературѣ. Къ сожалѣнію, статья профессора Фридриха доказываетъ, что знакомство со славянскими историческими источниками, хоть бы они и были доступны западу въ латинскихъ переводахъ, все еще не пустило глубокихъ корней.

Кирилловская легенда не преслѣдуетъ той тенденціи, которую приписываетъ ей авторъ статьи о значеніи письма Анастасія. По его мнѣнію, въ этой легендѣ подобраны будто бы всевозможные аргументы въ пользу славянскаго богослуженія, чтобъ

отразить папскія запрещенія IX и X столѣтій (стр. 434). Нигдѣ ничего подобнаго не замѣтно. Легенда составлена въ блестящемъ легендарномъ стилѣ.

Герой легенды обставленъ съ первыхъ же дней рожденія и въ первой молодости аттрибутами человѣка, Богомъ избраннаго на великіе, святые подвиги. А подвиги эти заключались не только въ послѣдней миссіи Константина философа, которой въ изложеніи не отводится даже трети содержанія. Главная мысль, проводимая черезъ всю легенду, не сосредоточивается ни въ апостольствѣ Константина среди славянъ, ни въ изобрѣтеніи письменъ, ни въ переводахъ на славянскій языкъ, а въ его миссіонерской, такъ сказать, диспутаторской дѣятельности противъ ересей. Надо только умѣть читать это блестящее произведеніе византійской риторики безъ предвзятыхъ мыслей, чтобы убѣдиться въ справедливости моего замѣчанія. Въ гл. IV-й мы уже встрѣчаемъ молодого Константина въ нѣкоторомъ преніи съ логоѳетомъ. Въ гл. V-й онъ является въ полемикѣ съ патріархомъ «Аннисомъ». Глава VI-я посвящена пренію его съ «срацинами». Главы VIII-я—XII-я, больше трети цѣлаго текста, излагаютъ очень подробно ходъ диспутовъ Константина съ хазарами. Глава XV-я содержитъ въ себѣ опять намеки на полемику его съ противниками славянскаго богослуженія, съ латинскимъ клиромъ въ Моравіи. Глава XVI-я излагаетъ полемику его съ «тріязычниками» въ Венеціи. Кто не видитъ во всемъ этомъ тенденціи! Но конечно, она не направлена противъ Рима, какъ думаетъ профессоръ Фридрихъ, а родилась въ нѣдрахъ Византіи, то-есть, ея культурныхъ воззрѣній, и была поддерживаема положеніемъ дѣлъ въ Болгаріи въ началѣ X столѣтія. Съ этой точки зрѣнія, единственно вѣрной, потому что она ясно намѣчена всѣмъ содержаніемъ легенды, надо обсуждать и отдѣльные эпизоды ея, а не такъ, какъ это дѣлается въ статьѣ профессора Фридриха. Напримѣръ, въ главѣ XIV-й нашей легенды заходитъ рѣчь о томъ, имѣютъ ли моравскіе славяне свое письмо. Константинъ говоритъ: «кьто можеть на водоу бесѣдоу написати и кретичьско име

обрѣсти». Проф. Фридрихъ поясняетъ это такъ: «Sie (d. h. Legende) kommt aber auch auf den Vorwurf, dass der Erfinder der slavischen Schrift ein Häretiker sei; denn als Kaiser Michael den Philosophen zu den Mährern schicken, dieser aber ohne Schrift nicht dahin gehen will, *lenkt er die Erfindung einer solchen mit den Worten ab*: et quis vult haeretici sibi nomen comparare?» Все это не такъ. Нигдѣ не сказано, что Константинъ отклонилъ отъ себя изобрѣтеніе письменъ. Напротивъ, онъ говоритъ, что опасно проповѣдывать безъ письменной подкладки, потому что изъ одной устной передачи догматовъ вѣры могутъ выйти еретическія заблужденія, и тогда вина падетъ на проповѣдника. Поэтому Константинъ не отклонялъ отъ себя этой задачи, а напротивъ, считалъ исполненіе ея необходимымъ условіемъ успѣха. Итакъ, невѣрно видѣть тутъ отраженіе упрека, сдѣланнаго потомъ славянскому письму, что оно — еретическое! Точно такъ и накопленіе цитатъ, которыми защищается славянское богослуженіе въ Кирилловской легендѣ, ничуть не говоритъ въ пользу поздняго происхожденія ея, а доказываетъ только особый учено-полемическій характеръ той среды, гдѣ она написана. Прошу принять во вниманіе, что легенда изобилуетъ цитатами не только въ защиту славянскаго богослуженія, но едва ли не богаче еще въ частяхъ неславянскихъ. Вообще надо имѣть въ виду, что Кирилловская легенда не придаетъ Константину односторонняго значенія апостола славянъ; она — если позволено такъ выразиться — гораздо индифферентнѣе; она стоитъ на точкѣ зрѣнія правовѣрнаго христіанства, съ оттѣнкомъ византійской учености и начитанности. Гораздо національнѣе, если хотите, въ этомъ смыслѣ настроена Меѳодіевская легенда. Къ моему удивленію, профессоръ Фридрихъ считаетъ ее даже старше Кирилловской на томъ основаніи, что она короче: «dass diese weit weniger von ihrem Helden weiss, als jene» (стр. 432). Это и понятно. Вѣдь не можетъ же легенда, разсказывающая житіе Меѳодія, вдаваться въ подробности, касающіяся не его, а Константина. Правила легендарнаго стиля не

допускали такого отступленія. Но въ этомъ еще нѣтъ никакихъ признаковъ большей древности.

Проф. Фридрихъ желаетъ по возможности устранить всѣ извѣстія, которыя свидѣтельствовали бы о дѣятельности Константина и Меѳодія въ Моравіи въ смыслѣ учрежденія славянскаго богослуженія въ церкви моравской раньше поѣздки обоихъ братьевъ въ Римъ. Онъ думаетъ, что все это состоялось только при Меѳодіи, послѣ возвращенія его изъ Рима: «Die Uebersetzung der Liturgie ins Slavische und die Einführung derselben in den Gottesdienst fällt vielmehr erst in die Wirksamkeit des Methodius nach dem Tode seines Bruders in Rom» (стр. 420). Главнымъ мотивомъ этого стремленія автора является опять молчаніе латинскихъ памятниковъ, «wie überhaupt, wenn man die Berichte auseinanderhält, so lange Constantin und Methodius bei Rastislav in Mähren wirkten, mit keinerlei Opposition gegen sie, auch nicht seitens der deutschen Bischöfe oder Geistlichen erhob». Это, конечно, вѣрно; но не вѣренъ выводъ, сдѣланный изъ этого молчанія. Оффиціальной оппозиціи противъ дѣятельности братьевъ въ Моравіи не было, потому что не кому было протестовать. Хотя теоретически время отъ времени признавалась подвластность Моравіи церкви Пассовской, но никакого прочнаго церковнаго учрежденія тамъ пока не было. Поэтому братья, пріѣхавшіе въ Моравію, могли не только безпрепятственно проповѣдывать тамъ по славянски, но и вводить славянское богослуженіе. Напрасно старается проф. Фридрихъ умалить значеніе дѣятельности братьевъ въ Моравіи. Если бы мы даже могли, подражая его примѣру, не вѣрить словамъ Кирилловской легенды, все же остаются слова легенды Италіанской, смыслъ которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. А въ этой легендѣ ясно сказано, что Константинъ и Меѳодій начали не только «parvulos eorum litteras edocere», но и «officia ecclesiastica instruere», и, какъ уже разъ отмѣчено, «scripta ibi reliquerunt omnia quae ad Ecclesiae ministerium videbantur esse necessaria». Что все это происходило на славянскомъ языкѣ, допускали до сихъ поръ всѣ за-

падные историки, потому что изъ цѣлаго комплекса условій и обстоятельствъ иное толкованіе фактовъ немыслимо; неужели проф. Фридрихъ забралъ себѣ въ голову съ этимъ не соглашаться? Напрасно онъ говоритъ: «Darin (то-есть, въ молчаніи о какомъ-либо сопротивленіи) stimmen die Translatio und die Vita Methodii vollständig überein» (стр. 420). Это невѣрно. Translatio передаетъ, какъ мы видѣли, о дѣятельности братьевъ въ Моравіи все-таки нѣсколько важныхъ извѣстій; Vita Methodii коснулась этого перваго акта только двумя-тремя словами, потому что онъ изложенъ уже въ легендѣ Кирилловской, а о Меѳодіи достаточнымъ считалось прибавить: «начатъ же пакы съ покоръмь повиноутисѧ, слоужити философоу и оучити съ нимь».

Остается, конечно, и теперь еще много загадокъ въ этомъ сложномъ вопросѣ, но едва ли могутъ быть оправданы попытки тѣхъ ученыхъ (а къ нимъ повидимому примыкаетъ профессоръ Фридрихъ), которые, не допуская даже возможности неравномѣрнаго и непослѣдовательнаго отношенія папскаго престола къ славянскому богослуженію, устраняютъ или отрицаютъ всѣ тѣ мѣста въ славянскихъ, греческихъ и латинскихъ источникахъ и даже всѣ тѣ документы, которые стоятъ поперекъ дороги къ возстановленію идеала, на дѣлѣ не существовавшаго.

Профессоръ Фридрихъ, не занимавшійся доселѣ, по его собственному сознанію, подробно вопросомъ о Кириллѣ и Меѳодіи, можетъ быть, не знаетъ и не догадывается, что бо́льшую часть его аргументовъ противъ участія Константина-Кирилла въ учрежденіи славянскаго богослуженія, или же противъ подлинности по крайней мѣрѣ одного письма папы Іоанна VIII, славянская наука знаетъ давно. Подобнаго рода доводы приводились еще въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ въ полемическихъ статьяхъ Копитара и Блумбергера, направленныхъ противъ извѣстнаго изслѣдованія І. Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіи.

Какъ извѣстно, Копитаръ до конца своей жизни, въ теченіе многихъ лѣтъ, проповѣдывалъ съ настойчивостью, доходившею до полнаго нетерпимости фанатизма, любимую свою теорію

о *паннонскомъ* происхожденіи церковно-славянскаго языка и богослуженія. Это было излюбленное чадо его. Ему въ угоду онъ выставлялъ всегда на первый планъ только Меѳодія и дѣятельность его съ того момента, когда онъ занялъ архіепископскую каѳедру новоучрежденной, то-есть, по толкованію папской куріи возстановленной, епархіи Паннонской.

Приведемъ вмѣсто многихъ только одинъ отзывъ Копитара по этому вопросу, характеризующій его точку зрѣнія. Въ одной мало извѣстной критико-полемической статьѣ его «Pannonischer Ursprung der slawischen Liturgie von B. Kopitar. Wien 1838» говорится объ этомъ слѣдующее:

№ 1 (то-есть, самъ Копитаръ въ Glagolita Clozianus) stellt nach genauer Combination der päpstlichen Briefe und der Salzburger Reclamationen einerseits, sowie anderseits der älteren Legende selbst, den schon von Dobrovsky, als er noch unbefangen forschte, gewonnenen Satz auf, dass zwar Cyrillus das später nach ihm bekannte slawische Alphabet zwischen 863—867, oder selbst wenn man will schon 855 eingerichtet haben mochte, aber erst sein Bruder Method, *der in Rom geprüfte* und von Adrian II im Frühling des Jahres 868 zum Erzbischof von Pannonien ordinirte, in dieser höheren, zu Disciplinarsachen berechtigten Würde, etwa 870 die *allerdings populäre* Neuerung der slawischen Liturgie in Pannonien *wagte*, um seine Passauer und Salzburger Gegner leichter zu besiegen, was ihm auch wenigstens bei den slawischen Gemeinden vielleicht selbst über Erwartung gelang. Von diesem geringen Anfang im Jahre 870 in Pannonien erwuchs, wie so viele grands événements par de petites causes, auch die dann sofort gleich einem Lauffeuer nach Kroazien, Dalmazien, Serbien und Bulgarien, endlich hundert Jahre später über Konstantinopel auch nach Russland übertragene slavische Liturgie...

Эта любимая мечта Копитара вытекала въ концѣ концовъ изъ сердечной привязанности къ своей родной странѣ, изъ желанія поднять значеніе своего словинскаго нарѣчія тѣмъ, что оно-

де имѣетъ право считаться прямымъ наслѣдіемъ языка старыхъ меѳодіевскихъ «словѣнъ». Это увлеченіе знаменитаго слависта человѣчески понятно, а психологически даже трогательно; оно легко объясняется тѣмъ, что въ пользу извѣстнаго паннонизма, только не въ смыслѣ происхожденія языка, говорили различные факты, попадающіеся въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской письменности, и что тогда еще не были извѣстны самые главные источники славянской старины о Кириллѣ и Меѳодіи, такъ-называемыя Паннонскія легенды. Копитаръ зналъ только Италіанскую легенду и русскую передѣлку одной изъ Паннонскихъ легендъ, внесенную въ первоначальную лѣтопись. Эти послѣдніе источники не показались Копитару довольно убѣдительными въ сравненіи съ молчаніемъ источниковъ западныхъ, наипаче папскихъ писемъ или посланій. Поэтому онъ, вотъ приблизительно такъ, какъ нынѣ дѣлаетъ профессоръ Фридрихъ, предпочелъ не придавать никакого значенія первому акту въ дѣятельности славянскихъ первоучителей, пока они еще вращались въ предѣлахъ старой Моравіи.

Другое дѣло, конечно, если бы существовало или, положимъ, нашлось бы въ какихъ-нибудь регестахъ хоть бы самое коротенькое посланіе папы Николая, приглашающее братьевъ въ Римъ. Тогда и Копитаръ долженъ былъ бы сдаться. Но, увы, такого посланія нѣтъ, и мы и теперь еще можемъ только повторить восклицаніе Гинцеля: Wäre doch dieses päpstliche Schreiben uns aufbewahrt worden!

Но въ замѣнъ этого пробѣла найдены великолѣпные славянскіе источники, Паннонскія легенды, въ особенности легенда о Константинѣ-Кириллѣ, удивительно поддерживающая такъ-называемую трансляцію (Италіанскую легенду). Согласное преданіе этихъ двухъ источниковъ, сложившихся независимо другъ отъ друга, какъ это доказано выше, имѣетъ, несмотря на ихъ легендарность, столь важное значеніе, что теперь уже положительно невозможно сомнѣваться въ исторической дѣйствительности тѣхъ данныхъ, которыя относятся къ дѣятельности Кон-

стантина-Кирилла въ предѣлахъ Моравіи до поѣздки братьевъ въ Римъ.

Что касается подлинности посланій папы Іоанна VIII, конечно, не всѣхъ, а тѣхъ, которыя затрогиваютъ вопросъ о славянскомъ богослуженіи, — профессору Фридриху, какъ историку церкви, должно быть извѣстны статьи ученаго бенедиктинца Блумбергера. Еще въ двадцатыхъ годахъ, разбирая сочиненіе І. Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіи, этотъ ученый порѣшилъ разрубить Гордіевъ узелъ сложныхъ и запутанныхъ отношеній этого вопроса тѣмъ, что провозгласилъ четыре посланія папы Іоанна VIII подложными. Первая статья Блумбергера, напечатанная въ Wiener Jahrbücher 1824 года, была переведена также на русскій языкъ какъ приложеніе къ переводу извѣстной книги І. Добровскаго: «Кириллъ и Меѳодій» (Москва 1825). Переводчикъ, М. П. Погодинъ, склонялся, хотя нерѣшительно, въ пользу Блумбергера (см. стр. 125, 129 и слѣд.). Вторая статья, напечатанная въ тѣхъ же Wiener Jahrbücher 1827 года, въ 37-мъ томѣ (стр. 41—74), не появлялась, на сколько я знаю, въ русскомъ переводѣ, но интересующійся этимъ вопросомъ долженъ знать и ее.

Возраженія Блумбергера не нашли себѣ сочувственнаго отзыва въ исторической наукѣ; они не могли имѣть успѣха уже по той причинѣ, что впослѣдствіи розысканія Палацкаго и Пертца въ Ватиканѣ открыли древнѣйшій пергаменный экземпляръ одной части посланій папы Іоанна VIII, относящійся по характеру (лангобардскому) письма къ концу X или къ началу XI столѣтія. И какъ разъ въ этотъ старинный экземпляръ включены также всѣ четыре посланія, которыя были заподозрѣны. Въ виду этого документальнаго свидѣтельства Блумбергеръ долженъ былъ признать свой промахъ, что̀ онъ и сдѣлалъ, отказавшись отъ ни на чемъ не основаннаго и неоправданнаго скептицизма. Только относительно регеста подъ № 257 онъ колебался еще въ 1855 году; тогда онъ обратился въ Вѣнскую академію съ просьбой разузнать: существуетъ ли дѣйствительно и этотъ нумеръ, то-есть,

знаменитое посланіе папы Іоанна VIII, которымъ восхваляется славянское письмо и одобряется славянское богослуженіе, въ томъ же старинномъ экземплярѣ писемъ Іоанна VIII на своемъ мѣстѣ? Утвердительный отвѣтъ данъ Блумбергеру между прочими ученымъ изслѣдователемъ Кирилло-Меѳодіевскаго вопроса Рачкимъ въ его сочиненіи Viek i djelovanje II, стр. 337. Въ этой книгѣ — авторъ ея жилъ тогда въ Римѣ — всѣ четыре посланія, подлинность которыхъ была заподозрѣна, изданы по тексту упомянутаго стариннаго ватиканскаго экземпляра.

Я не отрицаю, конечно, нѣкотораго затрудненія, какъ согласовать эти посланія между собою и съ позднѣйшими актами папской куріи при папѣ Стефанѣ V (VI), но едва ли критика въ правѣ признать это затрудненіе достаточно вѣскимъ аргументомъ противъ подлинности столь прочно засвидѣтельствованныхъ документовъ. Недовѣріе того или другого ученаго къ документамъ, поражающимъ — скажемъ — неожиданностью, даетъ ему право осторожно изслѣдовать ихъ подлинность, но не оправдываетъ голословнаго отрицанія. Если же документы прочно обставлены всѣми признаками подлинности, то они должны быть усвоены критикою, какъ исходная точка всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденій, и задача историка состоитъ именно въ томъ, чтобы попытаться согласовать содержаніе ихъ съ ходомъ событій.

Профессоръ Фридрихъ имѣлъ любезность коснуться этого вопроса вторично въ одномъ письмѣ ко мнѣ, печатать которое я не имѣю права, но могу передать сущность его, такъ какъ этимъ исправляется отчасти то, чтó въ статьѣ его высказано довольно неопредѣленно (на стр. 411, 424, 433).

Профессоръ Фридрихъ считаетъ, правда, письмо Іоанна VIII подозрительнымъ, но все-таки не хотѣлъ бы отказать ему въ подлинности; онъ думаетъ только, что нѣкоторыя мѣста въ немъ вставлены потомъ (когда же? не сказано), въ тенденціозно благопріятномъ направленіи въ пользу славянской литургіи. Главнымъ образомъ ему не нравятся слова: nec sane fidei— gloriam suam. Онъ находитъ, что въ нихъ нѣтъ постепенности

аргументаціи, а только повтореніе того, что́ было уже сказано выше въ пользу перевода Константинова. Онъ возражаетъ также противъ того, что похвала и дозволительность перевода евангелія поняты-де въ смыслѣ дозволительности новаго литургическаго языка помимо извѣстныхъ трехъ, что́ противорѣчитъ западному пониманію. Если же вычеркнуть упомянутое изреченіе, считаемое интерполяціей, то, какъ думаетъ проф. Фридрихъ, получится постепенность въ развитіи мысли, начиная съ похвалы первымъ трудамъ Константина и кончая позволеніемъ читать при обѣднѣ евангеліе на славянскомъ языкѣ.

Допустимъ, что интерполяціи возможны; но для этого предполагаются особенныя условія и обстоятельства времени, которыхъ по отношенію къ славянскому богослуженію въ теченіе X и XI столѣтій нигдѣ не видно. Согласимся даже вычеркнуть слова, предполагаемыя проф. Фридрихомъ. Но развѣ этимъ цѣль его достигается? Проф. Фридрихъ, какъ изъ всего видно, старается убавить значеніе папскаго рѣшенія: оно должно славянамъ разрѣшать только то, что́ вообще въ католической церкви позволялось, то-есть, чтеніе евангелія на простонародномъ языкѣ. Но предлагаемою выброскою нѣсколькихъ изреченій можно ли передѣлать посланіе Іоанна въ желаемомъ для критика смыслѣ? Нисколько. Остаются вѣдь еще слѣдующія слова: *Jubemus* tamen, ut in omnibus ecclesiis terre uestre propter maiorem honorificentiam euangelium latine legatur et postmodum sclauinica lingua translatum in auribus populi, latina uerba non intelligentis, adnuncietur, sicut in quibusdam ecclesiis fieri videtur. Я думаю, каждый согласится со мною, что эти слова теряютъ всякій смыслъ, если не предположить, что имъ предшествовало какое-либо разрѣшеніе въ болѣе широкомъ смыслѣ. Если въ предыдущемъ не содержалось дозволенія совершать славянское богослуженіе, то нельзя было продолжать рѣчь словами *jubemus tamen*, которыми ясно обозначенъ новый оборотъ, ограничивающій то, что́ было сказано раньше; не будь предшествовавшаго дозволенія, слѣдовало бы сказать теперь: concedimus. Полагаю,

что и профессоръ Фридрихъ, если вникнетъ въ смыслъ приведенныхъ словъ, согласится со мною въ томъ, что они могутъ быть истолкованы только такъ, какъ я предлагаю.

Да кромѣ того, проф. Фридрихъ принужденъ не довольствоваться одною только интерполяцiей выше упомянутыхъ словъ; онъ и самъ чувствуетъ необходимость считать интерполяцiей также слова, помѣщенныя въ концѣ посланiя: Et si tibi et iudicibus tuis placet missas latina lingua magis audire, paecipimus ut latine missarum tibi sollemnia celebrentur. Требованiе вычеркнуть и эти слова вполнѣ логично со стороны проф. Фридриха, но да будетъ мнѣ позволено спросить его: можно ли повѣрить, что то лицо, которое будто бы въ угоду славянамъ сдѣлало позднѣйшую интерполяцiю въ смыслѣ разрѣшенiя славянскаго богослуженiя, въ концѣ того же документа рѣшилось прибавить новую вставку, съ его точки зрѣнiя совсѣмъ лишнюю, и чрезъ которую первая интерполяцiя получаетъ смыслъ вполнѣ призрачный?! Вотъ на какую шаткую почву сталъ проф. Фридрихъ, вдаваясь въ интерполяцiи.

Чтó же удерживаетъ почтеннаго профессора отъ отрицанiя подлинности всего вообще посланiя? И на это имѣется отвѣтъ въ его письмѣ. Онъ не могъ не обратить вниманiя на предыдущее письмо папы къ Меѳодiю, отъ 879 года, гдѣ папа прямо жалуется на Меѳодiя за то, что онъ, по слухамъ, совершаетъ богослуженiе по славянски. Итакъ, проф. Фридрихъ чувствуетъ, что въ этой перепискѣ все-таки рѣчь заходила о чемъ-то болѣе важномъ, чѣмъ простое разрѣшенiе чтенiя евангелiя на простонародномъ нарѣчiи. Если же это такъ, тогда для меня просто непонятно стремленiе почтеннаго историка вложить знаменитое своимъ важнымъ содержанiемъ посланiе въ рамку самаго зауряднаго явленiя.

Но разрѣшенiе славянскаго богослуженiя, высказанное посланiемъ Iоанна VIII, наталкивается на странныя противорѣчiя въ отзывахъ Римской курiи при папѣ Стефанѣ. Это вѣрно, но едва ли справедливо изъ-за этого заподозривать содержанiе

письма папы Іоанна VIII. Послушаемъ однакожъ профессора Фридриха. Онъ попытался въ письмѣ ко мнѣ смягчить по возможности, если не совсѣмъ устранить, то обвиненіе Меѳодія въ клятвопреступленіи, которое слышится въ нѣкоторыхъ актахъ папы Стефана. Такъ какъ мое мнѣніе объ этомъ темномъ пунктѣ напечатано въ Glagolitica, то считаю не лишнимъ сообщить здѣсь соображенія почтеннаго историка по тому же вопросу.

Онъ думаетъ, что Меѳодій обѣщалъ, правда, папѣ Іоанну (880 г.), но безъ присяги, сообразно съ желаніемъ папскаго престола читать по славянски, если возможно будетъ этимъ ограничиться, только евангеліе и прочія чтенія изъ библіи. Но вскорѣ Меѳодій убѣдился, что нельзя устранить уже введенный въ жизнь обычай славянскаго богослуженія и позволилъ продолжать его. Противники же его воспользовались этимъ обстоятельствомъ для доносовъ на него въ Римъ, утверждая при этомъ, что онъ-де далъ обѣщаніе въ другомъ смыслѣ, чему въ Римѣ повѣрили. Какъ могли бы, спрашиваетъ проф. Фридрихъ, поступить такъ въ Римѣ противъ Меѳодія, какъ поступили, если бы существовало посланіе Іоанна VIII въ нынѣшнемъ его видѣ? Вѣдь это былъ бы крайне безсовѣстный поступокъ со стороны Рима по отношенію къ столь заслуженному мужу, какимъ былъ Меѳодій! Не должны ли были въ Римѣ опасаться, что такимъ поступкомъ оскорбятъ весь связанный съ Меѳодіемъ славянскій міръ? И если содержаніе посланія папы Іоанна существовало, то отчего же никто не выступилъ съ нимъ явно и не употребилъ его въ пользу славянскаго богослуженія? Если бы существовало письмо Іоанна VIII, то не посмѣлъ бы папа Стефанъ говорить о Меѳодіи такъ, какъ онъ говорилъ. Да и впослѣдствіи нигдѣ не слышно, чтобы славянскій міръ имѣлъ свѣдѣніе о посланіи Іоанна VIII въ нынѣшней редакціи его. Въ особенности житіе Меѳодія, гл. 12, хотя оно имѣло передъ собою посланіе папы, не говоритъ въ немъ о славянскомъ богослуженіи, а лишь старается оправдать Меѳодія ссылкою на посланіе Адріана II. Наконецъ вмѣсто того, чтобы заставить замолчать противниковъ указаніемъ на посланіе Іоанна VIII

въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится передъ нами, житіе Меѳодія, гл. 13, направляетъ его въ Константинополь.

Нельзя не отдать полной справедливости остроумію почтеннаго историка, которымъ онъ старается оправдать и Меѳодія, и папу Стефана V; виноватыми выходятъ у него въ сущности славяне, не сумѣвшіе отстоять полученныя ими права. Но если вникнуть въ печальное положеніе славянства какъ разъ въ тѣ годы, то неумѣнье ихъ становится понятнымъ. Тѣ, которые могли адвокатскимъ способомъ ссылаться на папское посланіе, или молчали, или же перешли прямо въ противный лагерь, — массы же народа, носившія смыслъ посланія папы Іоанна въ своихъ сердцахъ, не имѣли доступа въ Римъ. Но та же чернь, спасавшая не разъ славянство отъ гибели, вынесла своею страдальческою живучестью и это право; она отстояла его, если не въ Моравіи или Панноніи, то въ другихъ странахъ громаднаго славянскаго міра по отношенію какъ къ западному, такъ и къ восточному Риму. Чрезъ молчаніе въ то время (молчаніе, которое, можетъ быть, означаетъ для насъ только отсутствіе извѣстій о томъ, что совершалось въ жизни) еще не можетъ быть оспариваема подлинность документа и его содержанія, которое на лицо.

